А. А. ИСАЕВЪ.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
И
СОЦІАЛИЗМЪ.

С.-Петербургъ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ, 20.
1907.

2-12-18.
6к

Н. 32

А. А. ИСАЕВЪ.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
И
СОЦІАЛИЗМЪ.

С.-Петербургъ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ, 20.
1907.

6к

2-й экз.

Пров 38

H
33

899
37

I.

Зависимость людей другъ отъ друга возростаетъ безостановочно. Она обнаруживается среди гражданъ каждой отдѣльной страны и между цѣлыми народами. Она заставляетъ думать, что человѣкъ, какъ личность, все болѣе утрачиваетъ самостоятельность. Мы выясним это, если присмотримся къ особенностямъ современнаго быта и сравнимъ его съ жизнью нашихъ предковъ.

Возьмемъ періодъ, отдаленный отъ насъ только однимъ столѣтіемъ—и мы замѣтимъ чрезвычайное осложненіе жизни, богатство и разнообразіе формъ, которыя она получаетъ во всѣхъ областяхъ. Сопоставляя матеріальныя потребности людей и способы ихъ удовлетворенія, мы придемъ къ выводу, что каждой группѣ потребностей соотвѣтствуютъ почти неисчислимыя разновидности даннаго товара. Посѣтимъ магазинъ одежды, обуви, мебели, домашней утвари, мелкихъ принадлежностей жилищной обстановки,—и мы замѣтимъ, что предлагаемые товары, даже скромнаго достоинства и невысокой цѣны, отвѣчаютъ на самые разнообразные оттѣнки во вкусахъ и привычкахъ потребителей. Можно поручиться, что если на 1.000 покупателей какого либо товара встрѣтится только 5—6 лицъ со своеобразнымъ вкусомъ относительно формы предмета или его

цвѣта, то окажется возможнымъ найти эту разновидность въ обширномъ магазинѣ большого города.

Такіе же выводы должны быть сдѣланы и относительно другихъ явленій. Нашимъ ближайшимъ предкамъ были знакомы менѣе разнообразныя формы общенія, нежели то, что наблюдаемъ вокругъ себя. Немногимъ типичнымъ организаціямъ, которыя были извѣстны торговлѣ того времени, противостоятъ многочисленныя разновидности торговли нашихъ дней. Тогда знали мелкаго торговца, предлагающаго покупателямъ товары только немногихъ родовъ, крупнаго, сдѣлавшаго своею спеціальностью обширную розничную торговлю разными товарами туземнаго и заграничнаго производства, оптоваго, сосредоточившаго капиталъ и личныя силы на торговлѣ только хлѣбомъ, рыбой, дровами. Къ этимъ формамъ, извѣстнымъ уже давно, присоединились товарные дворцы, въ родѣ парижскихъ Magasins du Louvre или берлинскаго Вертгейма, соединяющіе въ своихъ нѣдрахъ какъ бы сотни спеціализированныхъ торговыхъ предпріятій; они дѣлаютъ обороты на десятки милліоновъ рублей и продаютъ любой товаръ въ розницу, начиная отъ карандаша въ 2 копѣйки. Наряду со старыми формами выросли тысячи потребительныхъ обществъ. Они усвоили новѣйшую технику торговыхъ предпріятій и внесли демократическія начала въ ихъ организацію. Ярмарки, завѣщанныя далекимъ прошлымъ, сохранились; но, на ряду съ перемѣщеніемъ товаровъ во временные центры торговли, выросла до огромныхъ размѣровъ другая форма сношеній продавца съ покупателемъ—передвиженіе только образцовъ. Оно вызвало къ жизни особый классъ торговыхъ посредниковъ, агентовъ, разъѣзжихъ

приказчиковъ; эти люди, наполнивъ небольшой чемоданъ образцами шелковыхъ или шерстяныхъ тканей, оптическихъ или хирургическихъ инструментовъ, галантерейныхъ товаровъ, направляются въ огромномъ числѣ изъ средоточій промышленности въ отдаленныя мѣста своей страны и за границу. Новымъ формамъ торговли сопутствуетъ и богатое разнообразіе способовъ, посредствомъ которыхъ торговецъ старается расширить свои обороты и поддерживать связи съ потребителемъ. Уже давно извѣстна реклама изъ немногихъ строкъ, объявляющихъ во всеобщее свѣдѣніе о продажѣ даннаго товара. Скромная реклама осложнилась и украсилась. Она старается дѣйствовать на потребителя линіями и красками, стихами, которые въ звучныхъ риѳмахъ расхваливаютъ качества товаровъ; изящно сдѣланные рисунки еще болѣе привлекаютъ покупателя; не малой приманкой служатъ бездѣлушки, которыя торговецъ обѣщаетъ дать ему въ награду при покупкѣ товаровъ на опредѣленную сумму.

Обратимся въ другую область—въ сферу развлеченій. Мы знаемъ изъ многочисленныхъ описаній, какъ картинны были главныя торжества прошедшихъ вѣковъ: Олимпійскія игры, зрѣлища въ циркахъ римлянъ, турниры средне-вѣковыхъ рыцарей, ярмарочное веселье. Но все, извѣстное нашимъ предкамъ, по разнообразію и размѣрамъ, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что представляетъ эта область въ наши дни. Назовемъ водный спортъ—и мы тотчасъ представимъ себѣ сотни лодокъ, которыя мчатся по Темзѣ, подгоняемыя соревнованіемъ университетской молодежи Оксфорда и Кембриджа и жаднымъ вниманіемъ тысячной толпы, готовой рукоплескать по-

бѣдителямъ. Мы вспоминаемъ морскія яхты, которыя передвигаютъ любителей за много тысячъ верстъ отъ родины. Назовемъ концерты и театральныя представленія, разные виды охоты, атлетическихъ упражненій, состязаній въ мячъ, пѣшкомъ, верхомъ, на велосипедахъ, въ автомобиляхъ; припомнимъ карнавалы, бои быковъ, пикники, шахматные турниры и т. д.

Въ области научныхъ и художественныхъ интересовъ мы находимъ чрезвычайное изобиліе того, что предлагается любознательному уму и чувству взыскательнаго. Стоитъ назвать хотя бы одну науку, напримѣръ, исторію, чтобы представить себѣ многочисленность и разнообразіе вѣтвей, которыя отдѣлились отъ одного ствола, дававшаго нѣкогда очень несложную картину всего, пережитаго человѣчествомъ. Исторія была синонимомъ исторіи политической; постепенно она распалась на множество самостоятельныхъ вѣтвей. Рядомъ съ политической мы имѣемъ исторію соціальную, а въ ней, какъ въ цѣломъ, очень крупные отдѣлы: исторію хозяйства, права, религіи, искусства. Каждый отдѣлъ охватываетъ въ свою очередь много вѣтвей, которыя также стремятся пріобрѣсти самостоятельность: исторія науки распадается на круги, соотвѣтствующіе группамъ наукъ; исторія искусства обнимаетъ исторію словесности, исторію музыки, живописи, ваянія, архитектуры. Наблюдается такой же процессъ относительно всѣхъ другихъ отдѣловъ знанія.

Не то же ли самое представляетъ область искусства? Великія творенія прежнихъ временъ носятъ на себѣ печать малочисленности интересовъ и однообразія жизни того времени. Какъ ни высоко достоинство созданій Винчи, Тиціана, Гольбейна, мы

все же должны признать, что неустанное воспроизведеніе однихъ и тѣхъ же эпизодовъ изъ жизни Христа и, вообще, библейской исторіи или языческихъ миѳовъ, свидѣтельствуетъ о тѣсномъ кругѣ, въ который была заключена любознательность величайшихъ художниковъ прошлаго. XVII-й вѣкъ даетъ намъ большее удовлетвореніе. Фламандскіе и голландскіе мастера не утрачиваютъ интереса къ тому, что увлекало живописцевъ XV и XVI вѣковъ, и въ то же время зорко слѣдятъ за разнообразными фактами, окружающими людей въ обыденной обстановкѣ: картины природы, разныя подробности быта всѣхъ общественныхъ слоевъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе первоклассныхъ художниковъ этого періода. Но 200—300 лѣтъ тому назадъ жизнь была менѣе сложна, нежели теперь; область, доступная знанію, была тѣсна, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ обладаютъ теперь культурныя общества, а потому содержаніе современной живописи гораздо болѣе разнообразно. Рюисдаль, Гоббема, Клодъ Лорренъ даютъ намъ пейзажи удивительной красоты; но всѣ эти чудныя созданія кисти почти не выходятъ за предѣлы родины художника. Новѣйшая живопись открываетъ безконечно болѣе разнообразную панораму. Къ безчисленнымъ ландшафтамъ, воспроизводящимъ воду и лѣсъ, небо и краски умѣренныхъ поясовъ, примыкаетъ цѣлая галлерея картинъ, гдѣ зрителя обдаетъ горячимъ воздухомъ Египта, Палестины, пустынь Средней Азіи. Въ жанрѣ голландцы дали высокіе образцы искусства; но въ новое время онъ раздвинулъ свои рамки далеко за предѣлы того, чѣмъ ограничивалось творчество старыхъ мастеровъ. Сколько моментовъ изъ трудовой жизни пролетарія изображено новѣй-

шими художниками въ главныхъ культурныхъ странахъ! Новые способы производства неудержимо привлекаютъ къ себѣ искусство; желаніе проникнуть въ міръ тягостей и надеждъ, печалей и радостей, порождаемыхъ современнымъ строемъ промышленности, стало всеобщимъ. Его не избѣгнулъ даже Менцель. Главная часть его художественнаго творчества посвящена верхушкамъ общежитія,—придворнымъ балямъ, пріемамъ, охотѣ; и, вотъ, уже на склонѣ дней, онъ написалъ великолѣпную картину «На желѣзопрокатномъ заводѣ». Всматриваясь въ эту картину, видишь огненные языки, которые вырываются изъ пасти огромныхъ печей, слышишь лязгъ, грохотъ машинъ, вдыхаешь дымъ и чадъ, среди которыхъ современный работникъ проводитъ больше трети своей жизни. Такъ же раздвинулись предѣлы искусства, воспроизводящаго далекое прошлое: чуть только усиліямъ науки удается выдвинуть на Божій свѣтъ какой нибудь малоизвѣстный раньше драматическій моментъ, пережитый кѣмъ либо и въ какой-либо странѣ—и художникъ спѣшитъ увѣковѣчить его на полотнѣ или въ мраморѣ.

Не забудемъ и о новыхъ видахъ искусства, которыя являются младшими сестрами живописи, ваянія и по времени происхожденія, и по достоинству произведеній. Таковы литографія и фотографія со всѣми своими подраздѣленіями. Нерѣдко относятъ эти механическіе способы воспроизведенія къ ремеслу и считаютъ непозволительнымъ даже упоминать о нихъ на ряду съ искусствомъ. Однако, такая оцѣнка несправедлива. Эти способы воспроизводятъ картины природы и людей съ довольно высокою степенью совершенства. Посредствомъ снимковъ они

сообщаютъ довольно ясное представленіе о великихъ художественныхъ созданіяхъ всѣхъ временъ и народовъ и содѣйствуютъ воспитанію чувства изящнаго въ обширныхъ слояхъ населенія.

Умѣстенъ такой же выводъ и относительно того, что даетъ художество слова отъ начала XIX вѣка. Художники прежнихъ временъ, съ какой точки зрѣнія ни оцѣнивать ихъ, являются менѣе сложными, чѣмъ новѣйшіе. Возьмемъ ли за отправную точку основныя идеи, проникающія произведенія словесности нашего времени, и мы найдемъ нѣсколько самостоятельныхъ міровъ; въ каждомъ изъ нихъ царствуетъ первоклассный художникъ. Смиреніе, довольство немногимъ, самоусовершенствованіе подъ ударами судьбы и людей, равнодушіе и даже презрѣніе къ тому, что накопили долгіе вѣка исторической жизни—вотъ основные тоны, проникающіе созданія Толстого. Стремленіе къ сознательному идеалу, какъ его понимаетъ и любитъ демократія, тяготѣніе къ тому, что составляетъ цѣли огромныхъ массъ, самоусовершенствованіе въ непрерывной дѣятельности и трудѣ—таковъ господствующій тонъ Зола. Охраненіе меньшинства отъ давленія среды, во имя чего ни производилось бы давленіе, защита индивидуальности каждаго отъ велѣній и требованій массы, отъ всѣхъ—вотъ что озаряетъ яркимъ свѣтомъ поэтическое творчество Ибсена. Захотимъ ли искать особенности современнаго словеснаго творчества въ разработкѣ поставленной задачи—и мы найдемъ то неослабѣвающее вниманіе къ мельчайшимъ деталямъ, неизвѣстное прошлому, то одни крупные штрихи, которые охватываютъ только важнѣйшее въ людяхъ и внѣшнихъ предметахъ. Остановимся ли на вопросѣ о слогѣ,

которымъ пишутъ современные художники—и мы найдемъ чрезвычайное разнообразіе. Старыя преданія, манера писать съ тою ясностью, простотой, опредѣленностью, съ употребленіемъ каждаго слова на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, съ избѣжаніемъ лишнихъ эпитетовъ и отдаленныхъ намековъ, словомъ, манера писать такъ, какъ дѣлали классики,—Вольтеръ, Гете, а у насъ—Тургеневъ, Гончаровъ, не вымерла: есть писатели, вѣрные этимъ традиціямъ. Но сложились и новые пріемы: символы, намеки, недомолвки, лапидарность, иногда намѣренная неправильность рѣчи. Если излишнюю вычурность и недостатки такого слога, столь частые у новыхъ писателей, перевѣшиваютъ яркія картины, мѣткія метафоры, то слогъ не лишенъ своеобразной прелести, которая увлекаетъ многихъ. Нужно ли говорить о неисчерпаемомъ разнообразіи предметовъ, которые даетъ жизнь современному роману и новѣйшей драмѣ? Цари, полководцы, министры, банкиры и милліонеры, знаменитые адвокаты, краснорѣчивые народные трибуны, свѣтскія красавицы, люди богатые и властные занимаютъ видныя мѣста въ новыхъ произведеніяхъ, какъ и въ прежнихъ. Но выступаютъ все болѣе замѣтно и встрѣчаютъ сочувствіе милліоновъ читателей и зрителей такія группы населенія, которыя играли скромную роль въ художественныхъ созданіяхъ прошлаго: люди маленькіе, неимущіе, обездоленные, члены нисшихъ слоевъ пролетаріата, бездомные, нищіе, бродяги, преступники, отвергнутые обществомъ на время или навсегда.

Трудно выразить въ точныхъ формулахъ разнообразіе, которое отличаетъ современную общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; но есть об-

ласти, гдѣ возможенъ точный подсчетъ. Такъ, нѣсколько поколѣній тому назадъ, число занятій въ любомъ культурномъ обществѣ опредѣлялось немногими тысячами; новѣйшія же переписи даютъ 10—11—12 тысячъ видовъ занятій. Мы не будемъ удивляться этому, если припомнимъ, что за послѣднія десятилѣтія возникли новые роды труда, которые вызвали къ жизни множество спеціальныхъ работъ. Таково, напримѣръ, желѣзнодорожное дѣло. Передвиженіе людей и грузовъ на лошадяхъ было такъ просто, что къ перевозкѣ по почтовымъ дорогамъ были прикосновенны только немногія спеціальныя занятія. Развитіе желѣзнодорожной сѣти породило большой запросъ на разные виды труда: явились низшія, среднія и высшія должностныя лица, которыя сопровождаютъ поѣзда; сдѣлались необходимы служащіе разныхъ категорій на станціяхъ, работники, исправляющіе вагоны или полотно дороги, работники въ разныхъ спеціальныхъ отрасляхъ, которыя изготовляютъ вагоны и локомотивы; возникли группы учащихъ и учащихся въ желѣзнодорожныхъ школахъ и проч. Сошлемся также на другія отрасли труда, выросшія съ половины XIX вѣка: на электрическое дѣло, химическое, обработку каучука, разныя отрасли машино-строенія, на типографское и литографское дѣло со всѣми ихъ развѣтвленіями и многое другое.

Мы скажемъ то же о формахъ, которыя принимаетъ искреннее или напускное дружелюбіе. Я вовсе не склоненъ преувеличивать значеніе альтруизма; однако, нельзя отрицать, что дружелюбіе вырабатываетъ все новыя и новыя формы для своего проявленія. Безчисленные союзы и благотворительныя общества, отвѣчающіе на разные виды людской нужды,

на разные оттѣнки безпомощности, являются созданіями только послѣднихъ десятилѣтій. У многихъ на памяти то время, когда плохо устроенныя и дурно ведомыя больницы служили пріютомъ для всѣхъ, кто нуждался во врачебной помощи. За послѣдніе же 3—4 десятка лѣтъ возникло множество заведеній для лѣченія больныхъ чахоткой, эпилепсіей, разными нервными страданіями, для больныхъ глазами, ушами, для нуждающихся въ хирургической помощи, для калѣкъ, родильницъ, дѣтей. Отмѣтимъ также формы, которыя принимаетъ поддержаніе безработныхъ, отбывшихъ наказаніе по суду, женщинъ, вырванныхъ изъ колеи несчастными условіями жизни. Умѣстно припомнить и всѣ тѣ способы—школы, курсы, чтенія, музеи, выставки — посредствомъ которыхъ чувство дружелюбія служитъ дѣлу просвѣщенія народа.

Словомъ, наблюдается большое разнообразіе относительно всякихъ формъ общенія людей. Трудно представить себѣ такой родъ занятій или развлеченій, для котораго каждый изъ насъ не могъ бы отыскать уже готовыхъ образцовъ. Каковы бы ни были политическія убѣжденія человѣка, отъ самыхъ отсталыхъ до наиболѣе радикальныхъ, онъ находитъ готовую, организованную партію, программа которой соотвѣтствуетъ его образу мыслей не только въ основаніяхъ, но часто и во многихъ подробностяхъ. Захочетъ человѣкъ посвятить себя торговлѣ или промышленности — и передъ нимъ множество законченныхъ формъ, распространенныхъ обычаевъ, тѣсно сплоченные союзы, которые охраняютъ выгоды этого дѣла, спеціальные органы печати, которые сообщаютъ точныя свѣдѣнія о рынкахъ, объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ и т. д. Люди, прикосновенные

къ опредѣленному занятію, почти всегда образуютъ нѣчто цѣлое. Стоитъ новичку вступить въ готовые ряды,—и онъ быстро усвоиваетъ опытъ цѣлаго поколѣнія. Все это облегчаетъ дѣятельность во всѣхъ областяхъ жизни.

Не таково ли положеніе и людей, которые хотятъ удовлетворить свою любознательность изученіемъ отдаленныхъ странъ и малоизвѣстныхъ народовъ? Кто рѣшилъ проникнуть въ глубокія долины Гималаевъ для наблюденія надъ туземцами, посѣтить малодоступныя равнины Средней Азіи, изучить бытъ племенъ, населяющихъ область Конго или Сахару, тотъ, кликнувъ кличъ, всегда найдетъ и дорожныхъ товарищей и организованные способы сношеній, которые облегчаютъ исполненіе этихъ плановъ.

II.

Многочисленность занятій и спеціальностей, разнообразіе формъ, а главное, возможность для каждаго найти готовыми условія, которыя облегчаютъ рѣшеніе поставленныхъ задачъ, ведутъ къ тому предположенію, что человѣкъ сталъ слабѣе, что онъ былъ индивидуально сильнѣе въ не сложномъ быту предыдущихъ вѣковъ, когда приходилось во всѣхъ случаяхъ разсчитывать, преимущественно, на собственныя силы. Принижая человѣка, какъ личность, не сомнѣваются, что онъ сталъ безконечно сильнѣе, чѣмъ былъ когда либо, такъ какъ повсюду въ предѣлахъ культурнаго міра онъ сдѣлался членомъ обширной и развѣтвленной кооперації. Новѣйшія формы сотрудничества позволяютъ выполнять такія работы въ земледѣліи, промышленности, торговлѣ, въ наукѣ

и искусствѣ, какія были не по силамъ нашимъ предкамъ. Но я стою за то, что, индивидуально, человѣкъ превосходитъ людей, живущихъ среди болѣе простыхъ условій общественнаго быта; я стою за то, что въ наше время личныя качества людей достигаютъ высокаго развитія, и, по крайней мѣрѣ, выдерживаютъ сравненіе съ самыми блестящими проявленіями индивидуальности, какія мы знаемъ въ прошломъ.

Любой учебникъ исторіи наполненъ разсказами о военныхъ доблестяхъ грековъ, римлянъ, карѳагенянъ и другихъ народовъ. Но мы можемъ поручиться, что ихъ стойкость и мужество не превосходили того, что совершалось на нашихъ глазахъ, не превосходили геройской отваги буровъ, при защитѣ родины, или безстрашія русскихъ и японцевъ въ послѣднюю войну. Мы наслушались разсказовъ о тѣлесной силѣ нашихъ предковъ, о ихъ выносливости при борьбѣ съ людьми и тяжелыми условіями внѣшней природы. Правда, огромныя массы современныхъ людей, особенно горожанъ, вслѣдствіе измѣнившагося склада жизни, не обладаютъ ни большой тѣлесной силой, ни выносливостью. Но разъ человѣкъ нашего времени хочетъ развить эти качества, то достигаетъ поразительныхъ результатовъ. Силачи въ циркахъ, при атлетическихъ состязаніяхъ, не уступаютъ знаменитымъ богатырямъ древности; жонглёры проявляютъ ловкость, которая не можетъ быть превзойдена. При восхожденіи на горы, обнаруживаютъ выносливость, которая выдерживаетъ соперничество съ выдающимися актами стойкости въ далекомъ прошломъ. И съ каждымъ годомъ эти качества получаютъ болѣе яркое выраженіе. Подняться на Юнгфрау, Монбланъ, Маттергорнъ считалось уже большимъ подвигомъ въ началѣ XIX

вѣка. Но недавно совершено восхожденіе на одну изъ вершинъ Гималаевъ и, при большихъ трудностяхъ, изслѣдованъ ледникъ Хого-Лунгми на высотѣ 7.300 метровъ. Всѣ эти свойства обнаруживаются въ большихъ размѣрахъ и съ особеннымъ блескомъ при полярныхъ изслѣдованіяхъ, которыя совершены Нансеномъ и другими.

Помимо высокаго развитія тѣхъ качествъ, которыя были извѣстны и давно минувшимъ вѣкамъ, въ наше время наблюдается все чаще и чаще яркое выраженіе такихъ свойствъ ума и воли, которыя съ ростомъ культуры дѣлаютъ все бо́льшіе успѣхи: возьмемъ трудолюбіе, привычку къ продолжительному напряженію мысли, длящемуся изъ года въ годъ; возьмемъ преданность дѣлу, сознаніе долга. Въ этихъ областяхъ мы находимъ поразительные примѣры. Эдиссонъ можетъ непрерывно работать безъ сна въ теченіе 30 часовъ и даже больше. Столь феноменальная привычка къ сложному умственному труду представляетъ исключеніе. Но во всѣхъ областяхъ научной и художественной дѣятельности, а также въ промышленности мы находимъ много людей, которые производятъ правильно и постоянно, изъ года въ годъ, огромное количество работы. Есть основаніе говорить о большомъ распространеніи этихъ наклонностей и способностей, о ихъ демократизаціи. Я часто встрѣчалъ работниковъ, особенно въ Бельгіи и Германіи, которые, проработавъ на фабрикѣ 10 часовъ съ неослабнымъ напряженіемъ—его требуютъ быстро движущіеся механизмы—посвящаютъ вечера и праздники на то, чтобы пополнить свое образованіе и проповѣдывать усвоенныя идеи. Преданность дѣлу и сознаніе долга встрѣчаются все чаще

и чаще среди самыхъ простыхъ занятій и иногда при условіяхъ, которыя не обѣщаютъ людямъ ни матеріальныхъ выгодъ, ни славы. Германскія газеты передавали, что снѣжныя вьюги, разразившіяся надъ восточной Пруссіей въ апрѣлѣ 1903 года, стоили жизни двумъ сельскимъ почтальонамъ: они разносили въ своихъ участкахъ письма до тѣхъ поръ, пока не замерзли. Наконецъ, мы встрѣчаемъ, какъ общее явленіе, преданность дѣлу и сознаніе долга въ людяхъ, выносящихъ на себѣ тягости революціонной борьбы и идущихъ за знаменемъ соціализма.

Итакъ, человѣкъ нашего времени безконечно превосходитъ предковъ въ томъ могуществѣ, которое даетъ людямъ сотрудничество, организованное для самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ задачъ. Онъ превосходитъ предковъ развитіемъ тѣхъ качествъ ума и воли, которыя дѣлаютъ большіе успѣхи только при высокомъ уровнѣ культуры. Сверхъ того, человѣкъ XX вѣка имѣетъ въ своемъ распоряженіи многочисленные способы для развитія тѣхъ индивидуальныхъ особенностей, которыми (тѣлесная сила, ловкость, мужество, выносливость) гордятся люди при простѣйшемъ складѣ общественной жизни.

III.

Успѣхи мірового хозяйства ускоряютъ развитіе всего того, что мы считаемъ неотъемлемою принадлежностью новаго человѣка. Міровое хозяйство втягиваетъ отдѣльные народы въ общій оборотъ человѣчества, усиливаетъ разнообразіе людей, вещей и отношеній. Большія торговыя заведенія міровыхъ городовъ могутъ представить покупателямъ тѣмъ болѣе

богатый выборъ товаровъ, чѣмъ больше устроители и хозяева этихъ заведеній руководятся началомъ международности: какъ ни разнообразна промышленность странъ, наиболѣе подвинувшихся впередъ, товарные дворцы не удовлетворяли бы многихъ покупателей, если бы не собирали въ своихъ стѣнахъ издѣлій со всего свѣта, отъ Испаніи до Японіи и отъ Скандинавіи до Индостана. Крѣпнущія отношенія между народами увеличиваютъ разнообразіе того, что мы относимъ къ міру искусства: отдѣлы художественныхъ произведеній на всемірныхъ и національныхъ выставкахъ знакомятъ со всѣми индивидуальными оттѣнками, которые представляютъ живопись, ваяніе, архитектура у каждаго народа. Учебное заведеніе, благотворительное учрежденіе, выросшія въ одной странѣ, получаютъ широкую извѣстность далеко за ея предѣлами и вызываютъ подражаніе. Пріемы дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и многочисленныхъ массъ въ политикѣ и хозяйствѣ, разъ они дали выгодныя послѣдствія въ одномъ государствѣ, быстро получаютъ популярность и у многихъ другихъ народовъ. И вотъ, благодаря заимствованіямъ, во всѣхъ областяхъ жизни создается множество новыхъ типовъ, причемъ каждый народъ пріобщаетъ къ перенятому и что нибудь свое. Все это годъ отъ года увеличиваетъ разнообразіе жизни.

Характеризуя новый типъ, какъ онъ слагается подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни вообще и, прежде всего, подъ вліяніемъ хозяйства, я скажу, что его отличаютъ большая воспріимчивость, ослабленіе вѣры въ авторитетъ и неутолимая жажда свободы. Нѣтъ надобности пояснять, что эти особенности связаны между собою тѣснѣйшими узами.

Ослабленіе вѣры въ авторитетъ обнаруживается во всемъ и повсюду. Оно выражается въ утратѣ вліянія на людей со стороны тѣхъ привычекъ, которыя прочно держались длинный рядъ вѣковъ и стали замѣтно терять кредитъ только за послѣднее время. Привычка къ насиженному гнѣзду такъ властвовала надъ нашими предками, что они цѣпко держались за свою деревню, свой городъ, за тотъ клочекъ земного шара, который опредѣлила случайность рожденія, въ лучшемъ случаѣ, за ту страну, съ населеніемъ которой человѣка связываетъ единство происхожденія языка, вѣры. Рамки, въ которыхъ человѣкъ нашего времени находитъ для себя много роднаго, близкаго, чрезвычайно расширились: онъ легко оставляетъ родину, легко пускаетъ корни далеко за ея предѣлами. Еще недавно люди съ благоговѣйнымъ трепетомъ взирали на представителей общественной власти, на должностныхъ лицъ, и считали уваженіе ихъ и повиновеніе имъ основными добродѣтелями гражданина. По мнѣнію новаго человѣка, вся эта лѣствица должностей причиняетъ больше зла, чѣмъ добра; онъ считаетъ необходимой обязанностью гражданина подвергать систему властей всесторонней критикѣ и неустанно работать надъ измѣненіемъ общественнаго строя. Еще недавно въ литературѣ и искусствѣ охотно признавали немногіе, такъ называемые, классическіе образцы, и старались приблизиться къ нимъ. Въ литературѣ и искусствѣ нашего времени къ старымъ образцамъ, за которыми стоитъ одобреніе двухъ-трехъ-четырехъ вѣковъ, прибавилось и много новыхъ, т. е. ослабленіе силы авторитета сказалось умноженіемъ числа авторитетовъ. Еще недавно огромныя массы людей то искренне, то механически держались

привычки связывать съ освященіемъ божества важнѣйшіе и даже второстепенные акты жизни: рожденіе, вступленіе въ бракъ, смерть и погребеніе, даже начало новаго дѣла, перемѣну жилища, отправленіе въ путь. Теперь милліоны и милліоны людей принципіально отрицаютъ существованіе невѣдомыхъ силъ, къ которымъ нужно было бы обращаться, дабы измѣнить нашу судьбу къ лучшему. Итакъ, ослабѣла привычка къ родинѣ, привычка къ государственному строю, освященному временемъ, привычка къ опредѣленнымъ направленіямъ въ наукѣ, искусствѣ, привычка къ вѣрѣ въ Бога.

А неутолимая жажда свободы, страстное желаніе наиболѣе ярко выразить всѣ силы и способности, дарованныя человѣку, переходитъ въ ненависть; ее возбуждаютъ все въ бо́льшемъ числѣ людей тѣ условія, которыя стѣсняютъ свободу. Ненависть направляется на землевладѣльца и капиталиста, которые, уже фактомъ своего существованія, ограничиваютъ свободу огромнаго числа людей, и на государство, которое многими особенностями своего строя препятствуетъ полному выраженію личности. Ненависть имѣетъ своимъ предметомъ авторитеты, установившіеся въ наукѣ и искусствѣ, если за ихъ признаніе обѣщаютъ опредѣленныя выгоды. Разъ церковь стѣсняетъ свободу, то новый человѣкъ ненавидитъ церковь и того бога, въ чье имя она притязаетъ на господство.

Конечно, во всѣхъ культурныхъ странахъ милліоны и милліоны людей крѣпко держатся за старые авторитеты и легко мирятся съ вопіющими нарушеніями личной свободы. Но можно съ полнымъ правомъ говорить о возникновеніи новаго типа людей

именно потому, что онъ представленъ уже не десятками, не сотнями, а большими массами, что число его носителей быстро и безостановочно возрастаетъ. Въ рядахъ пролетаріата новый типъ захватываетъ все болѣе широкій кругъ и получаетъ все болѣе замѣтное выраженіе. Цѣлая совокупность условій благопріятствуетъ этимъ перемѣнамъ.

Развитіе мірового хозяйства расширяетъ старыя средоточія культуры и создаетъ новыя. Облегчая обмѣнъ между народами, оно повсюду умепьшаетъ населеніе деревень и увеличиваетъ число горожанъ. Ростъ городовъ способствуетъ созданію новаго типа. Онъ вырываетъ множество людей изъ однообразной обстановки деревни съ ея прочными обычаями, любовью къ старинѣ, боязнью новшествъ и бросаетъ въ измѣняющуюся обстановку городского оборота. Идеи, разлагающія основы стариннаго быта, зарождаются въ разныхъ мѣстахъ, но крѣпнутъ подъ вліяніемъ городской жизни и распространяются чрезъ посредство города. Пролетаріи, сосредоточиваясь въ городахъ, образуютъ обширный кругъ любознательныхъ читателей; возникновеніе народной литературы, въ частности, литературы для рабочихъ, имѣетъ огромное значеніе; она облекаетъ новыя идеи въ общедоступную форму и даетъ имъ самое широкое распространеніе. Устное и печатное слово, провозглашающее новыя идеи, не даетъ пролетарію ни минуты отдыха. Оно дѣйствуетъ на него и при работѣ, и въ часы досуга, и въ собраніи товарищей по занятію, и въ тѣсномъ семейномъ кругу; оно дѣйствуетъ на мужчинъ и женщинъ, на старыхъ и малыхъ, на отцовъ и дѣтей. Вліяніе новыхъ началъ, проникающихъ въ жизнь, потому особенно могуще-

ственно, что міровое хозяйство дѣлаетъ пролетаріатъ каждой культурной страны только группой одного обширнаго цѣлаго—всемірнаго пролетаріата. Сношенія между работниками разныхъ странъ учащаются, связи крѣпнутъ, взаимное пониманіе просвѣтляется. Все то, что поступаетъ въ умственный оборотъ пролетаріата одной страны, вскорѣ дѣлается достояніемъ работниковъ за ея предѣлами. А передвиженіе рабочихъ изъ однѣхъ странъ въ другія и временное пребываніе сельскихъ работниковъ въ городахъ усиливаютъ этотъ процессъ. Кромѣ тѣхъ своихъ сыновъ, которыхъ деревня навсегда отдаетъ городу, она посылаетъ туда часть своего населенія на время, для періодическихъ работъ. Эти люди впитываютъ въ себя новыя идеи, которыя насыщаютъ городскую среду; возвратившись въ деревню, они воздѣйствуютъ на коренное населеніе. Вотъ почему деревни Западной Европы, а за послѣдніе годы—и Россіи, воспринимаютъ ученіе соціализма.

Итакъ, новый типъ людей пріобрѣтаетъ повсюду все большее число представителей.

IV.

Однако, сложеніе новаго типа вовсе не мѣшаетъ тому, что основное свойство человѣческой души—любовь къ себѣ и немногимъ близкимъ—остается почти неизмѣннымъ. Повидимому безчисленные факты доказываютъ, что самолюбіе не является столь преобладающимъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій, какъ было раньше. Внимательное же наблюденіе убѣждаетъ, что многочисленность формъ, въ которыя облекается эгоизмъ, способна вводить въ заблужде-

ніе: это разнообразіе заставляетъ думать, будто ослабѣло самолюбіе и въ своемъ существѣ.

Въ простой жизни протекшихъ вѣковъ было меньше способовъ удовлетворять запросы своего «я», чѣмъ нынѣ. Богатые классы наполняли свое праздное существованіе пирами, охотой, искательствомъ при дворахъ владыкъ. Такъ какъ вниманіе было направлено въ немногія области, то на нихъ сосредоточивалась вся сила эгоизма, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ получалъ рѣзкое выраженіе. Горе маленькому человѣку, который осмѣливался, прямо или косвенно, помѣшать наслажденію, напримѣръ, охотой, занимавшею такъ много времени у людей богатыхъ и властныхъ!

Современная жизнь создаетъ для людей имущихъ такое разнообразіе занятій, полузанятій и развлеченій, что желаніе охранить свое «я», порадовать себя и близкихъ принимаетъ, чуть не ежедневно, много несходныхъ формъ. Человѣкъ состоятельный прибѣгаетъ къ разнымъ мѣрамъ, дабы сохранить въ цѣлости и умножить разнообразныя составныя части своего имущества—сельскую и городскую недвижимость, зданія, деньги и цѣнныя бумаги; онъ заботится о воспитаніи своихъ дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и прилагаетъ старанія, дабы облегчить имъ самостоятельную дѣятельность по окончаніи учебнаго періода; онъ стремится создать обстановку, которая окружаетъ его особенно благопріятными условіями при занятіи и наслажденіи наукой и искусствомъ; онъ путешествуетъ во многихъ странахъ; онъ составляетъ программу разнообразныхъ развлеченій для каждаго времени года.— Его вниманіе и заботы дробятся между много-

численными предметами и дѣйствіями, которые онъ считаетъ нужными для своего благополучія. Онъ не сосредоточивается весь на одномъ или немногихъ предметахъ, не выражаетъ своихъ чувствъ такъ рѣзко, какъ въ обществѣ низкой культуры. А потому и кажется, будто, человѣкъ нашего времени относится къ своимъ лично-семейнымъ интересамъ менѣе страстно, готовъ сдѣлать въ пользу ближнихъ гораздо больше уступокъ, нежели то было раньше.

Но едва что либо становится на пути современнаго человѣка и грозитъ лишить его выгодъ, которыя онъ считаетъ сколько нибудь существенными— и чувство самосохраненія обнаруживается съ полною силой. Въ старину за тяжкія преступленія повсюду карали смертью; теперь дѣлаютъ то же самое, а гдѣ смертная казнь отмѣнена, тамъ человѣка подвергаютъ пожизненному заключенію, т. е. погребаютъ заживо. Въ старину люди служилаго класса, стремясь получить хорошее мѣсто, не останавливались ни передъ какими кознями, дабы свалить соперниковъ или обойти ихъ. И теперь погоня за мѣстами принимаетъ очень рѣзкую форму даже у высоко культурныхъ народовъ: американцы продаютъ на выборахъ свои голоса той партіи, которая обѣщаетъ доставить выгодное служебное положеніе. Въ глубинѣ Среднихъ Вѣковъ промышленники установляли монополіи, дабы оттѣснить соперниковъ и извлекать наибольшія выгоды изъ своего промысла. Теперь промышленные и торговые классы достигаютъ тѣхъ же цѣлей посредствомъ таможенныхъ налоговъ и синдикатовъ. «Каждый рубль, вложенный въ предпріятіе, долженъ дать возможно больше»— таковъ лозунгъ людей, которые заботятся о повы-

шеніи таможенныхъ податей и образованіи трестовъ. При всѣхъ такихъ начинаніяхъ не хотятъ и думать, что огромное большинство населенія несетъ тяжелое бремя монопольно взвинченныхъ цѣнъ. Въ учебники политической экономіи занесенъ разсказъ, какъ 200 лѣтъ тому назадъ голландцы сжигали и бросали въ море цѣнныя пряности, продукты своихъ тропическихъ колоній, чтобы уменьшить запасы и выиграть на продажѣ остатка по очень высокой цѣнѣ. Торговый классъ нашего времени достигаетъ тѣхъ же цѣлей менѣе грубыми способами: синдикатъ или сокращаетъ производство даннаго товара на нѣкоторое время, или же хранитъ большіе запасы въ складахъ, не выпускаетъ на рынокъ. Тотъ и другой образъ дѣйствій обезпечиваетъ синдикату огромные барыши.

Можно предположить, что эгоизмъ проникаетъ только богатые и средніе классы, испорченные довольствомъ, которое выпало на ихъ долю. Ни чуть не бывало: мы наблюдаемъ то же и въ группахъ населенія, которыя живутъ трудами своихъ рукъ. При цеховомъ строѣ мастера образовали одинъ лагерь, подмастерья—другой. Въ каждомъ лагерѣ царствовала солидарность, ибо члены группы были увѣрены, что при дружной дѣятельности совмѣстно съ товарищами каждый можетъ достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. А разъ являлся соперникъ со стороны, то принимались самыя рѣшительныя мѣры, чтобы устранить его. Не то ли же видимъ теперь? Въ союзахъ рабочихъ поддерживается солидарность между членами, такъ какъ каждый сознаетъ, что въ одиночку онъ не можетъ дать хозяевамъ даже слабый отпоръ. Но коль скоро явился соперникъ извнѣ, то ста-

раются удалить его. Это наблюдаютъ всего чаще во время стачекъ. Англійскіе и американскіе работники негодуютъ, когда хозяева берутъ китайцевъ на ихъ мѣсто, и требуютъ, чтобы государство ограничило ввозъ цвѣтной рабочей силы. Германскій и австрійскій сельскій пролетаріатъ живетъ въ состояніи непрерывнаго раздраженія противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые замѣняютъ его членовъ итальянскими или польскими работниками. И даже въ предѣлахъ страны союзы рабочихъ нерѣдко обнаруживаютъ большой эгоизмъ относительно своихъ товарищей по профессіи. Мы встрѣчаемъ это всего чаще въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ: вступленіе въ члены союзовъ связано иной разъ съ такими условіями, что множество работниковъ остается за флагомъ.

Словомъ, стремленіе обезпечить себѣ и своимъ близкимъ наиболѣе прочное существованіе проникаетъ все населеніе любой страны и нерѣдко выражается въ самой рѣзкой формѣ. Если бы это не было такъ, то многимъ приходилось бы наблюдать явленія, которыя, вообще, не извѣстны. Многимъ были бы знакомы случаи, что капиталистъ, намѣтивъ для покупки землю, домъ, товаръ, отказался отъ своего намѣренія только потому, что сосѣдъ находитъ для себя выгоднымъ купить тѣ же предметы; что родители, помѣщая своихъ дѣтей въ учебное заведеніе, которое переполнено учениками, рѣшаются подождать годъ, такъ какъ ихъ сосѣду или даже старинному доброму знакомому необходимо помѣстить дѣтей въ то же заведеніе и нѣтъ средствъ учить дома до слѣдующей осени; что должностное лицо отклоняетъ предлагаемое ему повышеніе въ должности, такъ какъ у него есть товарищъ, для

котораго, вслѣдствіе многочленности семьи, движеніе по службѣ и увеличеніе жалованья особенно необходимы; что крестьяне отказываются отъ арендованія земельнаго участка, разъ онъ имѣетъ особенную важность для населенія другой деревни. Если такіе случаи и бываютъ, то какъ единичныя исключенія. Крайне рѣдко наблюдаешь отказъ человѣка даже отъ тѣхъ удобствъ, которыя имѣютъ очень мало жизненнаго значенія: изъ 100 человѣкъ, толпящихся у кассы театра, чтобы получить билеты на оперу съ извѣстными пѣвцами, не найдется ни одного, готоваго уступить мѣсто 101-му, хотя бы послѣдній имѣлъ истинно художественный вкусъ и могъ гораздо лучше наслаждаться музыкой и пѣніемъ, чѣмъ 95% пришедшихъ раньше его къ дверямъ кассы.

V.

А развѣ не опровергаютъ или, по крайней мѣрѣ, не смягчаютъ нашихъ положеній безчисленные акты дружелюбія, которые совершаются на нашихъ глазахъ чуть не ежедневно?

Вступая въ эту область, я хочу разъ навсегда отстранить сравненіе настоящаго съ прошлымъ. Если бы оказалось, что въ наше время пожертвованія для ближнихъ опредѣляются цифрами въ десятки и сотни разъ болѣе крупными, чѣмъ 300—200 лѣтъ назадъ, то еще не получилось бы основанія говорить о чрезвычайномъ ростѣ альтруизма: не забудемъ, что состоянія частныхъ лицъ представлены теперь безконечно болѣе крупными цифрами, чѣмъ прежде, и что милліонное пожертвованіе является теперь въ культурной странѣ гораздо менѣе выдающимся фак-

томъ, чѣмъ было доброхотное даяніе въ десятки тысячъ 200 лѣтъ назадъ. Если будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, затрату рабочей силы съ цѣлями альтруистическими—на уходъ за больными, престарѣлыми, дѣтьми, на ихъ прокормленіе, обученіе—прежде и теперь, то не придемъ къ какимъ либо положительнымъ выводамъ: теперь работаетъ множество добровольцевъ въ разныхъ сферахъ благотворительности; я допускаю, что многіе изъ нихъ дѣйствуютъ только по свободному влеченію; однако, монастыри, прежде столь многочисленные, были центрами, куда сходились нити отъ актовъ дружелюбія; при населеніи культурныхъ странъ въ 5—6 разъ меньшемъ, чѣмъ нынѣ, они производили большое количество такой работы.

Признаемъ, однако, что въ настоящее время акты дружелюбія многочисленны и разнообразны; допустимъ даже, что, относительно всѣхъ дѣйствій, совершающихся среди людей, они превосходятъ то, что было извѣстно прошлому. Но здѣсь необходимо поясненіе.

Американскіе милліонеры жертвуютъ огромные капиталы на общеполезныя дѣла. Тамъ насчитаемъ не мало людей, которые въ теченіе своей жизни пожертвовали десятки милліоновъ рублей на эти цѣли, а иные — даже больше сотни милліоновъ. Стало избитымъ мѣстомъ, что американскіе богачи гораздо болѣе чутки къ общественнымъ интересамъ, чѣмъ милліонеры въ Европѣ. Это положеніе ведетъ и къ другому: американскіе богачи, говорятъ намъ, заслужили свои милліоны, ибо удѣляютъ значительную ихъ часть на общее благо.

Все это вѣрно; однако, при столь щедрыхъ пожертвованіяхъ, альтруизмъ играетъ ничтожную роль.

Эти благотворители, начавъ съ маленькими средствами или и совсѣмъ безъ средствъ, наживаютъ огромныя состоянія потому, что считаютъ совершенно праздными вопросы о томъ, въ какія рамки втиснуть себя при занятіи даннымъ дѣломъ, что въ этой профессіи хорошо и что неблаговидно. Избирается данное дѣло потому, что оно прибыльно, а затѣмъ считаются дозволенными всѣ средства, которыя дѣлаютъ его еще болѣе выгоднымъ: хлопоты о возвышеніи таможенныхъ налоговъ, образованіе монопольныхъ цѣнъ посредствомъ трестовъ, давленіе на малокапитальныхъ соперниковъ, которое пускаетъ ихъ по міру, закрытіе многихъ предпріятій и выталкиваніе работниковъ на улицу, распространеніе ложныхъ слуховъ, способныхъ вліять на биржу, подкупы многочисленныхъ газетъ и политикановъ съ вѣсомъ.

Два десятка лѣтъ напряженнаго труда въ этомъ направленіи, труда, запечатлѣннаго талантомъ и безтрепетнымъ себялюбіемъ—и въ распоряженіи смѣлаго флибустьера есть все: самыя красивыя женщины, дворцы, огромные сады и парки, морскія яхты, картины знаменитыхъ мастеровъ, собственныя желѣзныя дороги, а главное—власть надъ огромнымъ числомъ людей. Десятки и сотни тысячъ, прямо или косвенно, зависятъ въ своихъ судьбахъ отъ такого милліонера. Онъ не безъ основанія считаетъ себя однимъ изъ первыхъ людей страны: извѣстные ученые—это въ его глазахъ наемники, которые получаютъ маленькое жалованье, чтобы произнести ежегодно на своихъ лекціяхъ столько-то сотенъ тысячъ словъ; министры—это людишки, которые занимаются изо дня въ день своими скучными бумажными дѣлами; президентъ Соединенныхъ Штатовъ—и тотъ ниже такого короля

промышленности: слава перваго длится четыре года, въ лучшемъ случаѣ восемь лѣтъ, а американецъ съ тремя сотнями милліоновъ будетъ до конца своихъ дней передвигаться по странѣ во всѣхъ направленіяхъ, какъ тріумфаторъ, и встрѣчать подобострастныя привѣтствія множества согражданъ.

Ему недостаетъ только одного—короны. Въ наше время трудно найти свободный королевскій или хотя бы княжескій престолъ. Но остается выходъ: можно сдѣлать такъ, что милліоны людей провозгласятъ его благодѣтелемъ родной страны, что тысячи и тысячи американскихъ и иностранныхъ газетъ будутъ кричать о его безсмертныхъ заслугахъ на пользу науки, искусства, народнаго образованія, о пріютахъ, больницахъ, богадѣльняхъ, гдѣ тысячи бѣдняковъ находятъ пристанище. Американскій милліонеръ знаетъ, что немногіе родятся съ тѣми душевными силами, которыя дѣлаютъ людей истинными дружелюбцами; но онъ увѣренъ, что можно и даже не трудно заставить множество людей называть его благодѣтелемъ. Стоитъ только не пожалѣть денегъ. И, вотъ, удовлетворяя свое тщеславіе, онъ сыплетъ милліонами. Если богатый человѣкъ любитъ ежедневно видѣть за своимъ столомъ и угощать полукулловски десятки знакомыхъ, то, при доходѣ въ какихъ-нибудь 15 милліоновъ рублей, можно съ величайшимъ удовольствіемъ затрачивать на обще-полезныя дѣла 2 — 3 милліона ежегодно. При этомъ сохраняется сознаніе, что щедрая благотворительность не лишаетъ человѣка всей той роскоши, которою онъ привыкъ окружать себя, не умаляетъ его средствъ для расширенія производства и—если это нужно—дѣлаетъ его положеніе еще болѣе

прочнымъ. Въ разныхъ концахъ страны настраиваются хоры, которые воспѣваютъ великаго благодѣтеля и уподобляютъ его самымъ доблестнымъ мужамъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. — Словомъ, милліоны и милліоны, которые затрачиваются на дѣла благотворенія въ странахъ культурнаго міра, почти вовсе не связаны съ альтруизмомъ.

Спускаясь съ вершины имущественной пирамиды къ слоямъ, которые совершаютъ скромныя затраты на дѣла благотворенія, мы находимъ, большею частью, такіе же мотивы: человѣкъ жертвуетъ сотни и тысячи рублей, дабы заслужить одобреніе того круга, въ которомъ живетъ, области, города, деревни, людей своей профессіи. Если московскому богачу, жертвующему десятки или сотни тысячъ, мы обыкновенно приписываемъ желаніе получить чинъ, крестъ или хотя бы одобреніе начальства, то почему считать болѣе высокими побужденія того, кто можетъ удѣлять на общеполезныя дѣла только сотни и десятки.

Среди неимущихъ чаще наблюдаемъ проявленія настоящаго альтруизма. Однако, не слѣдуетъ объяснять имъ всѣ поступки этихъ людей, если они даже имѣютъ большое общественное значеніе и съ перваго взгляда выдаютъ альтруистическое чувство. Въ томъ, напримѣръ, что союзъ рабочихъ посылаетъ значительную сумму для поддержанія стачечниковъ заграницей, слѣдуетъ видѣть правильно понятый классовый разсчетъ, т. е. эгоизмъ, который изъ лично семейнаго сталъ эгоизмомъ класса. Современный пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что улучшеніе его судебъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ двигаться большими массами и сомкнутымъ строемъ.

Хорошо, когда въ этомъ строю участвуютъ сотни тысячъ и милліоны работниковъ, принадлежащихъ къ одной странѣ; еще лучше, если поддерживается солидарность между работниками разныхъ народовъ. Союзъ рабочихъ, посылая заграницу деньги, для поддержанія стачечниковъ, изъ своей казны или изъ особыхъ сборовъ среди пролетаріата, знаетъ, что, въ случаѣ стачки его членовъ, онъ встрѣтитъ такое же отношеніе со стороны иноземныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, это пожертвованіе имѣетъ всѣ черты взаимнаго страхованія. Поясникъ на примѣрѣ, что въ этихъ актахъ альтруизмъ занимаетъ очень мало мѣста. Предположимъ, что изъ страны А работники посылали деньги для вспоможенія стачечникамъ въ странѣ Б. Если позднѣе въ первой странѣ начнется стачка, а изъ второй явятся работники, чтобы заступить мѣсто забастовщиковъ, то послѣдніе встрѣтятъ ихъ очень сурово. Если пришельцы даже докажутъ, что въ ихъ отечествѣ тяжелая безработица, что стачечники имѣютъ сбереженія и могутъ держаться довольно долго, а они совсѣмъ лишены средствъ, то не смягчатъ отношенія къ себѣ со стороны первыхъ: имъ предоставятъ просить милостыню, голодать, даже умирать, но не извинятъ, что они выступили соперниками первыхъ.

Когда общественная жизнь рѣзко отклоняется отъ средняго теченія, любовь къ себѣ и близкимъ замираетъ, и человѣкъ совершаетъ акты, въ которыхъ обнаруживается сильное дружелюбіе. Офицеръ, не думающій ни о чемъ, кромѣ вина, женщинъ, картъ и билліарда, отрывается отъ обычныхъ развлеченій и мужественно умираетъ на полѣ битвы. Во время голода, при пожарахъ, наводненіяхъ,

тяжкихъ повальныхъ болѣзняхъ, люди, имѣющіе репутацію сухихъ и черствыхъ, обнаруживаютъ сочувствіе общему горю и нерѣдко, безъ колебаній, идутъ на помощь. Во время революціонныхъ движеній это обозначается особенно ярко: многіе проявляютъ большое самоотреченіе, жертвуютъ собою тамъ, гдѣ ихъ личные интересы вовсе не затронуты или задѣты лишь въ слабой мѣрѣ. Но если исключительныя условія длятся долго, цѣлые года, то люди привыкаютъ къ нимъ, замыкаются въ своихъ ближайшихъ интересахъ и проявляютъ уже гораздо меньшую готовность жертвовать для общаго дѣла своимъ имуществомъ и рабочей силой.—Карѳагенянка, во время осады родного города врагами, отрѣзывала свою косу и дѣлала изъ нея тетиву для лука; но до осады и непосредственно послѣ нея, она очень заботилась о томъ, чтобы дать косѣ такую форму, которая особенно понравилась бы мужу или другу.

Безспорно, есть люди, проникнутые чувствомъ дружелюбія всю жизнь и при всякихъ условіяхъ; но они составляютъ крайне рѣдкое исключеніе. Къ каждому случаю, когда совершается поступокъ, будто бы, вытекающій изъ любви къ ближнимъ, нужно относиться съ самой строгой критикой. Она нерѣдко приводитъ къ заключенію, что въ основаніи такихъ дѣйствій лежитъ только любовь къ себѣ, если не къ матеріальнымъ благамъ, не къ удобствамъ жизни, то къ своей репутаціи среди современниковъ или потомковъ. Иной проповѣдуетъ отказъ отъ земныхъ благъ, полное отреченіе отъ собственности и отличается большой простотой въ своихъ личныхъ потребностяхъ. Но вся обстановка его такова, что ему недостаетъ развѣ птичьяго молока и всѣ его

призывы къ упрощенію, вся нетребовательность относительно матеріальныхъ удобствъ образуютъ только красивую декорацію на фонѣ обычнаго склада жизни, являются рекламой, несомнѣнно производящей впечатлѣніе на многихъ. Иной обнаруживаетъ рѣдкое самоотреченіе въ годину революціонныхъ бурь: ему ни по чемъ тюрьма, каторга, даже висѣлица. Но еще вопросъ, служитъ ли для него главной отрадой во время страданій то, что онъ стремился ко благу согражданъ и совершилъ все, насколько позволяли его силы, или то, что память о немъ будетъ жить среди потомковъ и «холодный ключъ забвенья» не зальетъ его имени.

VI.

Итакъ, любовь къ себѣ и немногимъ близкимъ служитъ господствующимъ мотивомъ почти для всѣхъ людей и въ подавляющемъ большинствѣ ихъ поступковъ. Дорожа собой, человѣкъ любитъ *свое превосходство* надъ другими: въ чемъ бы ни выражалось оно и какъ бы ни было оно маловажно, человѣкъ стремится къ признанію этого превосходства окружающими. Его радуетъ, если онъ красивѣе другихъ или даже превосходитъ ихъ красотой только какой-либо части лица или тѣла,—густотой волосъ, выразительностью глазъ, правильностью носа, изящными очертаніями рукъ. Его радуетъ, если онъ умнѣе другихъ или даже превосходитъ ихъ какимъ нибудь, хотя бы неважнѣйшимъ свойствомъ душевной жизни,—пассивной памятью, чисто внѣшнимъ остроуміемъ. Его радуетъ, если онъ опередилъ другихъ ученостью, начитанностью, силой и ловкостью рукъ,

технической умѣлостью. Если онъ не можетъ превзойти другихъ тѣмъ, что совершилъ изслѣдованіе у сѣвернаго полюса или въ глубинѣ Африки, одержалъ побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ, подавилъ возстаніе, создалъ прекрасную оперу, написалъ обширный научный трудъ, то . . . . . хотя бы тѣмъ, что способенъ ежедневно писать для газетъ со скоростью 200 строкъ въ часъ, хотя бы тѣмъ, что умѣетъ въ публичномъ спорѣ оборвать противника, заставить его молчать не убѣдительными доводами, а плоской шуткой, рѣзкой бранью и все-таки вызвать въ свою пользу рукоплесканія присутствующихъ, или тѣмъ, что носитъ безукоризненный фракъ и хорошо управляетъ танцами... Любовь къ собственному превосходству побуждаетъ человѣка требовать, чтобы оно служило для него основаніемъ большаго вознагражденія за трудъ, нежели получаютъ тѣ, которые уступаютъ ему. Тамъ же, гдѣ превосходство не можетъ служить предметомъ денежной оцѣнки, онъ требуетъ, чтобы другіе признавали это превосходство и выражали признаніе бо̀льшимъ расположеніемъ и почтеніемъ, нежели относительно людей, которые не имѣютъ этихъ качествъ.

Такъ чувствуетъ и думаетъ средній человѣкъ. Только мудрецъ, даже чуждый альтруизма, можетъ смотрѣть безстрастнымъ взоромъ на то, что другіе, которые не стоютъ его мизинца, получаютъ изъ общественнаго дохода безконечно больше, чѣмъ онъ, и пользуются гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ и довѣріемъ.

Въ мірѣ хозяйства любовь къ своему превосходству надъ другими побуждаетъ человѣка требовать тѣмъ большаго вознагражденія за трудъ сравнительно

съ другими, чѣмъ рѣзче это дѣйствительное или мнимое превосходство. Человѣкъ сравниваетъ себя съ другими въ троякомъ отношеніи. Во-первыхъ, сопоставляется собственная тѣлесная сила, прилежаніе, ловкость рукъ, смѣтливость, находчивость, чистота въ работѣ съ этими же свойствами другихъ, занятыхъ въ той же отрасли, и дѣлается выводъ о плюсѣ или минусѣ каждаго, сравнительно со средней величиной. Если я работаю лучше и въ данную единицу времени произвожу больше, чѣмъ сосѣдъ, то хочу имѣть большее вознагражденіе за трудъ. Во-вторыхъ, совершается сравненіе работъ, которыя выполняютъ люди разныхъ профессій, когда дѣйствуютъ совмѣстно и связаны единствомъ цѣли. Къ желѣзнодорожному дѣлу, пароходному, строительному, къ издательству прикосновенны люди, весьма несходные подготовкою и функціями, которыя лежатъ на нихъ; однако, сравненіе умѣстно. Завѣдующій движеніемъ по желѣзной дорогѣ или начальникъ станціи не можетъ отрѣшиться отъ убѣжденія, что его трудъ сложнѣе работы кондуктора или землекопа, который выравниваетъ почву для полотна желѣзной дороги. Капитанъ парохода не сомнѣвается, что ему нужна гораздо большая сумма знаній, чѣмъ рядовому матросу. Архитекторъ не допускаетъ и мысли, что его могутъ замѣнить плотникъ и каменьщикъ, которые строятъ зданіе подъ его руководствомъ. Редактору газеты показался бы нелѣпымъ даже намекъ на то, что его трудъ стоитъ не дороже, чѣмъ работа каждаго репортера въ его изданіи.—Совершается и третье сопоставленіе: сравниваются занятія, которыя вовсе не связаны другъ съ другомъ; но и здѣсь люди приходятъ къ такимъ

же выводамъ, какъ въ первомъ и второмъ случаяхъ. Живописецъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что его трудъ требуетъ гораздо бо̀льшей суммы данныхъ, чѣмъ должность приказчика въ бакалейной лавкѣ. Пѣвецъ отдѣляетъ себя непроходимою пропастью отъ столяра и слесаря, а управляющій банкомъ или страховымъ обществомъ всегда будетъ далекъ отъ вывода, что его работа представляетъ такую же цѣнность, какъ трудъ телеграфиста или почтальона.

Капиталистическое общество, установляя огромныя различія въ вознагражденіи за трудъ, рѣзче подчеркиваетъ разницу между занятіями. Однако, эта разница связана съ существомъ дѣла и вовсе не зависитъ отъ типа хозяйственной жизни, который господствуетъ. Нѣтъ силы, могущей образовать средняго ваятеля или врача при томъ запасѣ личныхъ качествъ, который вполнѣ достаточенъ для простѣйшихъ видовъ фабричнаго и ремесленнаго труда.

Пока самолюбіе служитъ главнымъ двигателемъ людей, до тѣхъ поръ человѣкъ будетъ требовать бо̀льшаго вознагражденія за свой трудъ, сравнительно съ другими, разъ на его сторонѣ есть хотя малѣйшее превосходство. Выражается ли оно въ томъ, что человѣкъ работаетъ быстрѣе и лучше, нежели его товарищи по занятію, или въ томъ, что исполняетъ болѣе сложную работу, чѣмъ другіе, связанные съ нимъ единствомъ цѣли, или, наконецъ, въ томъ, что занимаетъ привилегированное положеніе, принадлежитъ къ тѣмъ профессіямъ, которыя охватываютъ только меньшинство гражданъ,—онъ требуетъ, чтобы его доходъ отразилъ это превосходство. Надѣясь, что требованіе будетъ исполнено, человѣкъ

напрягаетъ силы своихъ мышцъ, свой умъ, свое воображеніе, старается доставить обществу наилучшую работу и въ наибольшемъ количествѣ.

Постепенно отвыкая отъ гнета, завѣщаннаго длиннымъ рядомъ вѣковъ, люди нашего времени хотятъ ярко обнаружить силы, которыя вложила въ нихъ природа. Много или мало — всякое стѣсненіе свободы ставитъ преграды на этомъ пути. Человѣкъ требуетъ полноты гражданскихъ и государственныхъ правъ; его возмущаетъ одна мысль, что могутъ помѣшать ему вѣровать, говорить, писать, какъ онъ хочетъ, избирать въ законодательныя и мѣстныя собранія тѣхъ, кто ему нравится. Если онъ не свободенъ въ пріисканіи мѣста осѣдлости, въ избраніи для своей дѣятельности тѣхъ условій, которыя считаетъ наилучшими, то у него является сознаніе, что его способности не могутъ развернуться во всю ширь. Человѣкъ негодуетъ, если его влечетъ къ себѣ именно опредѣленный видъ занятій, а строй общественной жизни препятствуетъ такому выбору; онъ не можетъ простить обществу, что оно мѣшаетъ ему приложить силы тамъ, гдѣ онѣ могли бы принести наибольшіе плоды. Человѣкъ не любитъ посягательствъ и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такъ называемыхъ мелочахъ повседневной жизни. Если онъ имѣетъ опредѣленные вкусы относительно домашней обстановки, устройства жилища, времени пріема пищи, цвѣта и покроя одежды, развлеченій, и встрѣчаются внѣшнія препятствія къ выраженію этихъ вкусовъ, то человѣкъ не легко примиряется со стѣсненіями: его раздражаетъ, что нельзя жить такъ, какъ нравится.

Негодованіе достигаетъ особенной остроты, если онъ не понимаетъ, чѣмъ могло бы повредить другимъ людямъ полное выраженіе его вкусовъ и влеченій.

VII.

Неужели же, среди чрезвычайной пестроты современной жизни, не найдется многаго, что должно быть приписано только темнымъ сторонамъ общественнаго быта, насилію, неправдѣ, тщеславію, тому, что огромныя массы принижены, а меньшинство можетъ злоупотреблять выгодами своего положенія?

Конечно, да. Въ разнообразіи современной жизни мы найдемъ многое, что не заслуживаетъ никакого оправданія со стороны тѣхъ, въ комъ живетъ хотя бы слабое чувство справедливости. Во всѣхъ областяхъ наблюдается множество явленій этого рода. Заглянувъ въ сферу потребленія благъ, мы услышимъ отъ милліонера, что онъ чувствуетъ себя счастливымъ лишь при возможности жить во дворцѣ, имѣть нѣсколько десятковъ слугъ, дѣлать ежедневно утонченные обѣды для 30—40 знакомыхъ, украшать жену брилліантами, которые стоютъ сотенъ тысячъ, держать десять паръ выѣздныхъ лошадей, морскую яхту для поѣздокъ въ отдаленныя мѣста земного шара. Мы скажемъ на это, что можно повѣрить наличности у него такихъ вкусовъ, и добавимъ, что они создаются неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ въ современномъ обществѣ, существованіемъ класса людей праздныхъ и зависимостью девяти десятыхъ населенія отъ тѣхъ, кому принадлежатъ земля и капиталъ. Если намъ заявляетъ человѣкъ, полный энергіи, что его стремленіе къ дѣя-

тельности удовлетворяется только въ томъ случаѣ, когда онъ ведетъ хозяйство на тысячахъ десятинъ или управляетъ огромной фабрикой съ полнымъ подчиненіемъ ему многихъ тысячъ работниковъ, что только при такихъ условіяхъ его духъ предпріимчивости можетъ получить яркое выраженіе, то мы скажемъ ему, приблизительно, слѣдующее: до сихъ поръ хозяйственная жизнь развивалась такъ, что во главѣ обширныхъ предпріятій стояли отдѣльныя лица съ очень большой властью; цѣлыя поколѣнія были воспитаны такъ, что эта власть казалась необходимымъ условіемъ для наиболѣе яркаго выраженія предпріимчивости. Но такая власть ставитъ въ стѣсненное положеніе огромное число людей, а потому, желателенъ порядокъ, при которомъ духъ предпріимчивости могъ бы развиваться до высшихъ предѣловъ даже при условіи, что человѣкъ не распоряжается, какъ пѣшками, временемъ и силами многихъ людей и не получаетъ въ свою собственность милліоны за то, что хорошо поставилъ сельское хозяйство, фабрику или торговое предпріятіе. И такой порядокъ, добавимъ мы, наступитъ.

Во всѣхъ областяхъ жизни можно наблюдать множество явленій, которыя связаны съ отрицательными особенностями современнаго общественнаго строя, какъ слѣдствіе съ причиной. Въ сферѣ хозяйственной, политической, обще-культурной, множество фактовъ выростаетъ, какъ на фундаментѣ, на неравномѣрномъ распредѣленіи богатства. Эти факты увеличиваютъ разнообразіе жизни; но слѣдуетъ признать его нежелательнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ. Это разнообразіе не только не двигаетъ людей впередъ, но даже замедляетъ ихъ совер-

шенствованіе, питаетъ ихъ порочныя наклонности, тѣшитъ ихъ тщеславіе, отнимаетъ у многихъ время, которое могло бы быть заполнено болѣе достойными занятіями или развлеченіями, обостряетъ ненависть между отдѣльными группами населенія и, въ общемъ итогѣ, задерживаетъ ростъ культуры.

Представимъ себѣ, что люди, облеченные властью, вознамѣрились кореннымъ образомъ измѣнить общественную жизнь и при томъ совершить переворотъ въ очень короткое время. Имъ предстояло бы: 1) замѣнить частную собственность на орудія производства собственностью всѣхъ и 2) устранить мотивы человѣческой дѣятельности, которые теперь господствуютъ. Послѣднее выразилось бы въ установленіи одного и того же вознагражденія за всѣ виды труда.

Преобразователямъ было бы ясно, что столь рѣзкій переворотъ поведетъ къ большому потрясенію народнаго хозяйства и вызоветъ недовольство среди населенія. Оно было бы тѣмъ болѣе велико, чѣмъ рѣзче были бы нарушены привычки и вкусы обширныхъ слоевъ. А съ установленіемъ одного и того же вознагражденія за трудъ, перемѣна въ жизненной обстановкѣ къ худшему затронула бы милліоны людей.

Въ этихъ видахъ преобразователямъ было бы естественно поставить вопросъ, далеко ли можетъ идти упрощеніе жизни и что нужно сохранить въ обществѣ для дальнѣйшихъ успѣховъ культуры.

При всемъ несходствѣ во вкусахъ, эти дѣятели должны были бы сочувствовать тому, что разнообразіе жизни значительно уменьшится. Для людей, которые имѣютъ наклонность опроститься, казалось бы нетруднымъ выбросить изъ человѣческаго обихода много вкусовъ, наклонностей, привычекъ, а равнымъ обра-

зомъ предметовъ и дѣйствій, которые отвѣчаютъ на эти наклонности. Можно было бы идти очень далеко въ этомъ направленіи. Разбирая, напримѣръ, вкусы людей относительно одежды, можно было бы сказать, что нѣтъ надобности въ бархатѣ и шелкѣ, а можно довольствоваться только шерстяными тканями, что нѣтъ надобности въ такихъ второстепенныхъ принадлежностяхъ одежды, какъ галстухи, перчатки, твердые воротники и рукава отъ рубашекъ, пояса, ленты и цвѣты на шляпахъ и многое другое. Оцѣнивая вкусы людей относительно пищи, любитель опрощенія нашелъ бы, съ полнымъ основаніемъ, что здоровье людей можетъ отлично сохраняться по устраненіи множества составныхъ частей пищи; онъ сказалъ бы, что совершенно довольно 15—20 предметовъ, дабы признать нашу пищу здоровой и даже не совсѣмъ однообразной. Если бы онъ подвергъ такому разбору все, что находимъ въ жилищѣ людей даже умѣреннаго достатка, то выкинулъ бы множество предметовъ; онъ сказалъ бы, что вовсе нѣтъ надобности въ креслахъ съ мягкимъ сидѣньемъ, въ коврѣ на полу, въ картинахъ, которыя тамъ и сямъ украшаютъ стѣны и т. п. Разъ стремленіе упростить жизнь шло бы еще дальше, то явилось бы отрицательное отношеніе и ко многимъ обычнымъ работамъ въ строѣ домашней жизни: было бы поставлено на видъ, что вовсе не нужно приготовленіе пищи въ каждомъ домохозяйствѣ, что можно упростить бытъ повсемѣстнымъ введеніемъ общественныхъ столовыхъ и потребленіемъ пищи на дому только въ исключительныхъ случаяхъ, людьми больными и очень старыми. Если бы у такихъ вершителей человѣческихъ судебъ стремленіе опроститься затрогивало и область духовной работы,

способы, посредствомъ которыхъ люди удовлетворяютъ свои потребности въ умственныхъ и эстетическихъ наслажденіяхъ, то произвели бы большую сортировку въ библіотекахъ, музеяхъ, въ мірѣ научнаго и художественнаго творчества: сказали бы, что изъ огромнаго запаса научныхъ произведеній, романовъ, повѣстей, которые наполняютъ библіотеки, заслуживаетъ вниманія только $^1/_{10}$ или $^1/_{100}$ часть, что изъ множества картинъ и статуй, которыя размѣщены въ музеяхъ, слѣдуетъ сохранить только немногое. Столь строгой сортировкѣ подвергся бы и театръ: изъ репертуара были бы выкинуты очень многія произведенія, которыя выдерживаютъ теперь сотни представленій и даютъ полные сборы.

Такое упрощеніе жизни уменьшило бы количество и разнообразіе труда. Многія отрасли производства перестали бы существовать; въ другихъ количество труда должно было бы сократиться. Въ результатѣ жизнь была бы гораздо проще, нежели теперь: изъ обихода исчезли бы многіе виды занятій и разнообразные предметы, удовлетворяющіе потребности современнаго человѣка.

Вѣроятіе, что жизнь можетъ быть многократно упрощена безъ ущерба для культуры, облегчило бы быстрое измѣненіе и тѣхъ мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ. Въ настоящее время наибольшее число дѣйствій совершается и достигаетъ самаго высокаго качества потому, что человѣкъ разсчитываетъ получить опредѣленную личную выгоду. На милліарды случаевъ, когда люди производятъ работу тѣмъ лучше, чѣмъ большаго ожидаютъ вознагражденія, приходятся, быть можетъ, только тысячи, гдѣ наблюдается отклоненіе отъ общаго правила.

Это подтверждаютъ примѣры изъ любой сферы жизни. Мы знаемъ промышленныя и торговыя предпріятія, которыя могутъ быть признаны образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ, и мы знаемъ, что руководители такихъ предпріятій получаютъ очень высокую плату за трудъ. На ряду съ этимъ намъ извѣстно очень мало благотворительныхъ обществъ, дѣятельность которыхъ по энергіи, порядку, по быстротѣ въ усвоеніи всего новаго, что облегчаетъ работу, не имѣла бы много крупныхъ недочетовъ. Оцѣнивая такія учрежденія, мы прилагаемъ совсѣмъ другую мѣрку, чѣмъ въ нашихъ сужденіяхъ о первыхъ: мы хвалимъ руководителей благотворительнаго общества, если оно работаетъ только недурно и не расхищаются средства, которыя поступили въ его распоряженіе.

И такъ, опростители жизни, измѣняя мотивы людей, потребовали бы, чтобы человѣкъ работалъ изъ чувства дружелюбія, изъ сознанія долга, чтобы онъ приносилъ къ услугамъ общества всѣ свои силы независимо отъ вознагражденія за трудъ. Реальной формой, въ которой выразилась бы перемѣна мотивовъ, двигающихъ людьми, было бы установленіе размѣровъ платы не сообразно съ количествомъ и качествомъ труда, а поравну, или же соотвѣтственно съ потребностями людей, т. е. числомъ лицъ, входящихъ въ составъ семьи. Согласно съ послѣднимъ принципомъ получалъ бы больше изъ общественнаго дохода не тотъ, кто больше трудится, но тотъ, у кого больше дѣтей. Въ разсчетѣ на число лицъ такое вознагражденіе было бы однороднымъ и можно было бы говорить объ уравненіи платы за работу.

Замѣна мотива, господствующаго нынѣ въ человѣческой дѣятельности, началомъ альтруистическимъ

не могла бы примириться съ той классификаціей трудовъ по важности и цѣнности, которой держится современное общество. Разъ признали бы несправедливымъ оплачивать выше средней нормы трудъ человѣка только за его превосходство надъ другими людьми, разъ въ основу общественнаго преобразованія было бы положено упрощеніе жизни, то явилось бы крайнею несообразностью возвеличеніе однихъ занятій надъ другими: казалось бы нелѣпымъ, что трудъ опернаго пѣвца стоитъ въ 300 разъ дороже, нежели трудъ слесаря, а профессія живописца должна оплачиваться въ 100 разъ выше, чѣмъ работа ткача. Гдѣ бы ни сохранилась разница въ вознагражденіи за трудъ, она будетъ поддерживать эгоистическое начало и оставитъ неприкосновенными тѣ стѣны, которыя раздѣляютъ теперь представителей разныхъ занятій. Упрощеніе и облагороженіе жизни было бы осуществлено сполна только по окончательномъ срытіи этихъ стѣнъ, по установленіи одного и того же вознагражденія за всѣ виды работы.

Такой переворотъ не примиряется съ частной собственностью на орудія производства. Разъ въ основу вознагражденія за трудъ кладется начало уравнительной оцѣнки всѣхъ занятій, то прибыль и рента становятся абсурдами. Если создается порядокъ, при которомъ считаютъ необходимымъ и справедливымъ вознаграждать трудъ каждаго въ размѣрѣ X рублей, то является совершенной нелѣпостью, чтобы отъ владѣнія землею, денежнымъ капиталомъ или промышленнымъ предпріятіемъ человѣкъ получалъ 100 X или даже 10 X, 2 X. Новый порядокъ и потому не примиряется съ правомъ частной собственности на орудія производства, что оно предпо-

лагаетъ значительную свободу собственниковъ въ распоряженіи продуктами труда. Если бы это право осталось, то начало равнаго вознагражденія было бы нарушено на многихъ пунктахъ. А потому становится неизбѣжнымъ переходъ орудій производства въ собственность общества.

VIII.

Предположимъ, такой порядокъ былъ бы установленъ путемъ закона; онъ потребовалъ бы, чтобы въ теченіе краткаго срока, немногихъ лѣтъ, народное хозяйство было подвергнуто перемѣнамъ, сходнымъ съ тѣми, которыя я намѣтилъ. Не слѣдуетъ считать такое предположеніе совершенно утопичнымъ. Въ разгарѣ революціоннаго движенія легко достигаетъ господства небольшая группа людей,— лишь бы она обладала энергіей—готовая бросить въ общественную жизнь зерна порядка, вовсе не сходнаго съ тѣмъ, къ чему человѣкъ привыкъ издавна. Повсюду, особенно въ Россіи, многіе горячо стоятъ не только за переходъ орудій производства въ собственность всѣхъ, но и за однообразную оплату труда и за наибольшее упрощеніе общественной жизни и частнаго быта. Если бы, хотя на короткое время, власть перешла въ такія руки, то былъ бы изданъ рядъ соотвѣтствующихъ законовъ. Каковы были бы ихъ послѣдствія?

Во многомилліонномъ населеніи нашлись бы двѣ группы людей, готовыхъ рукоплескать новому порядку. Въ первой, малочисленной, были бы представители разныхъ профессій, всѣхъ общественныхъ положеній и состояній. Все это были бы люди, убѣ-

жденные, что наибольшее опрощеніе приближаетъ человѣчество къ идеалу, что безчисленныя и разнообразныя формы, сложившіяся въ теченіе вѣковъ и унаслѣдованныя нами отъ предковъ, служатъ для удовлетворенія суетныхъ наклонностей, что, ненужныя въ существѣ своемъ, онѣ только мѣшаютъ усовершенствованію человѣка. Въ этой группѣ не могло бы быть много членовъ; во всякомъ случаѣ даже для обширной страны они считались бы немногими тысячами. Вспомнимъ о тѣхъ областяхъ жизни, гдѣ дѣйствуютъ наиболѣе сильные мотивы, дабы навсегда и по принципу упростить существованіе человѣка—и даже тамъ мы найдемъ только немного людей, которые радостно отбрасываютъ отъ себя все, что накопила цивилизація, и охотно ограничиваются удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Такова жизнь монастырей. Существованіе, преимущественно, созерцательное и отрѣшенность отъ интересовъ міра особенно располагаютъ къ тому, чтобы монахи относились съ полнымъ равнодушіемъ къ разнымъ потребностямъ и вещамъ, которыя дѣлаютъ жизнь привлекательной для большинства. А между тѣмъ, за стѣнами монастырей, среди многихъ тысячъ, найдется развѣ сотня-другая людей, которые всю жизнь радостно довольствуются скудной обстановкой и охотно отдаютъ все свое время труду и молитвѣ. Строгій монастырскій уставъ тягостенъ для огромнаго большинства и, какъ только средства обители становятся болѣе значительны, оно усвоиваетъ такія потребности относительно пищи, одежды, обстановки въ кельяхъ, которыя вносятъ уже замѣтныя перемѣны въ жизнь этихъ людей. Возьмемъ сестеръ милосердія. Существо ихъ работы таково, что въ ней

долженъ обнаруживаться большой запасъ альтруизма. Несомнѣнно, онъ сказывается по временамъ, особенно на войнѣ, гдѣ принимаетъ форму даже истинныхъ подвиговъ самоотверженія. Но этого достаетъ обыкновенно только на короткое время, на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этотъ краткій срокъ сестры милосердія доходятъ до полнаго забвенія всего, что не составляетъ крайне необходимаго для жизни; ихъ обстановка достигаетъ высшей степени простоты. Если же разсматривать дѣятельность этихъ женщинъ въ теченіе многихъ лѣтъ, то находимъ небольшое меньшинство, которое работаетъ съ полнымъ самоотверженіемъ и равнодушіемъ ко всему, стоящему внѣ области ихъ труда, и большинство. Послѣднее мало чѣмъ отличается отъ другихъ общественныхъ группъ: большая часть сестеръ милосердія послѣ того, какъ прошло увлеченіе новымъ дѣломъ, старается отдавать на уходъ за больными лишь столько, чтобы обязанность была исполнена удовлетворительно; а внѣ этой работы ихъ радуетъ и развлекаетъ то, что и другихъ людей: и наряды, и уютно обставленная квартира, и развлеченія. Остановимся на третьемъ примѣрѣ: возьмемъ участниковъ революціонныхъ движеній. Когда борьба достигаетъ высшаго напряженія, то дѣятели революціи являютъ поразительное равнодушіе къ жизненнымъ удобствамъ и даже къ самой жизни. Для нихъ не существуетъ вопросовъ о томъ, что ѣсть, гдѣ спать, какъ одѣваться; внося въ свои программы требованіе 8 часового рабочаго дня, они сами радостно работаютъ 16 часовъ въ сутки. И если такая самоотверженная работа оканчивается пораженіемъ, то спокойно идутъ на каторгу или даже кладутъ головы на плаху. Но

весь тотъ срокъ, въ теченіе котораго проходитъ ихъ дѣятельность съ такой окраской, не превышаетъ двухъ-трехъ лѣтъ; иногда онъ длится еще меньше. Является далеко не праздным вопросъ: каково было бы настроеніе и поведеніе этихъ людей по окончаніи революціи, послѣ измѣненія общественной жизни, послѣ ея приближенія къ тому, что составляетъ идеалъ борцовъ революціи. Ссылаясь на исторію, можно сдѣлать такое предсказаніе: нѣкоторые, не многіе изъ этихъ людей, сохранили бы не только 2 — 3 года, но и десятки лѣтъ, до конца своихъ дней, тѣ особенности характера, которыя они обнаружили въ разгарѣ движенія. Огромное же большинство отклонилось бы отъ этого типа очень далеко. Есть типъ *вѣчнаго революціонера.* Среди огромнаго числа людей, которые принимаютъ участіе въ революціи, встрѣчаются, изрѣдка, и такіе, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ типу вѣчнаго революціонера: въ 45 лѣтъ и даже въ 60 они сохраняютъ всѣ свойства, которыя отличали ихъ въ 25-лѣтнемъ возрастѣ. Огромное же большинство мѣняетъ окраску. Изъ выдающихся дѣятелей великой французской революціи большинство окончило жизнь на гильотинѣ; мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что въ 1802—04 годахъ они остались бы такими же, какими были въ 1792—94; у меня нѣтъ увѣренности, что большинство изъ нихъ осталось бы даже приблизительно такимъ, какимъ было раньше. Относительно же тѣхъ, которые не попали на гильотину, мы хорошо знаемъ, что изъ ярыхъ революціонеровъ они стали усердными чиновниками императорской Франціи и покорными слугами Наполеона.

Довольно и этихъ примѣровъ. Я пользуюсь ими

для доказательства той мысли, что средній типъ человѣка, какимъ его создала исторія въ теченіе вѣковъ, со всѣми его силами, способностями, влеченіями, мотивами, вкусами, господствуетъ во всѣхъ областяхъ жизни. Уклоненія отъ этого типа могутъ быть довольно часты, но не продолжительны. За короткій срокъ, въ теченіе котораго совершается уклоненіе отъ средняго типа въ добрую или худую сторону, т. е. въ сторону тѣхъ мыслей и дѣйствій, которыя способствуютъ движенію жизни впередъ, или же задерживаютъ ея развитіе, довольно многіе люди могутъ быть не похожи на то, что составляетъ отличительныя особенности ихъ природы въ теченіе всей жизни. Но уклоненій прочныхъ, которыя образуютъ новые типы, мало сходные со среднимъ, очень немного: они являются рѣдкими исключеніями. А потому я и говорю, что нашлась бы только очень небольшая группа людей, готовыхъ легко и сознательно примириться со всѣми измѣненіями, которыя были бы внесены въ ихъ личную жизнь рѣзкимъ преобразованіемъ общественнаго строя.

На ряду съ нею была бы другая, очень большая масса людей, довольныхъ кореннымъ измѣненіемъ жизни. Въ эту группу входили бы многіе милліоны,— всѣ тѣ, кто получаетъ ничтожную долю общественнаго дохода. Одно и то же вознагражденіе за всѣ виды труда и приноровленіе платы къ потребностямъ семьи, а не къ количеству и качеству работы, было бы выгодно для большинства населенія городовъ и деревень. Всѣ эти люди радостно примкнули бы къ новой государственной власти, ознаменовавшей себя такими преобразованіями.

Ближайшимъ послѣдствіемъ переворота было бы

раздѣленіе всѣхъ гражданъ на два лагеря. Въ первомъ были бы двѣ группы сторонниковъ новаго порядка; всѣ остальные граждане были бы во второмъ лагерѣ. Лучшіе изъ нихъ находили бы, что такая перемѣна жизни не цѣлесообразна и возставали бы противъ нея даже независимо отъ ущерба, который новый порядокъ вещей могъ причинять ихъ интересамъ. И въ этомъ лагерѣ большинство негодовало бы на преобразованіе потому, что оно нарушаетъ ихъ личные интересы, создаетъ для нихъ общественное положеніе, менѣе выгодное, нежели то, которое они занимали раньше. По всей вѣроятности, большинство гражданъ было бы въ первомъ лагерѣ.

Между этими группами должна была бы начаться борьба. Постараемся выяснить себѣ ея результаты.

Съ перваго взгляда кажется несомнѣннымъ, что большинство должно было бы побѣдить, т. е. что новая государственная власть должна была бы сломить меньшинство, недовольное совершенными преобразованіями. Но такой выводъ былъ бы ошибоченъ. Подвергнемъ оцѣнкѣ мотивы, которыми руководствовались бы участники борьбы.

Въ большинствѣ, которымъ располагала бы государственная власть, было бы немного людей, готовыхъ отстаивать новый порядокъ съ полнымъ одушевленіемъ, готовыхъ жертвовать при защитѣ его не только жизненными удобствами, но и самой жизнью. Огромное большинство примкнувшихъ къ новому строю, присоединилось бы къ нему страдательно. Они не были бы дѣятелями при установленіи этого порядка: дарованный имъ свыше, онъ создавалъ бы особенно выгодное положеніе для тѣхъ, которые отличаются наименѣе блестящими качествами ума и

воли. Работникъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности, въ торговлѣ, въ перевозочномъ предпріятіи и разныхъ другихъ разрядахъ простого труда получалъ бы крупный выигрышъ отъ такого порядка только въ томъ случаѣ, если бы его трудъ, качественно и количественно, былъ ниже средняго уровня или, по крайней мѣрѣ, не выше. Крестьянинъ, работающій на своемъ участкѣ, выигрывалъ бы отъ обновленнаго склада жизни только при условіи, что его хозяйство очень мелко и онъ не обладаетъ ни личными силами, ни денежными средствами, дабы вести садовую или огородную культуру и извлекать значительный доходъ изъ ничтожнаго клочка. Всѣ такіе люди были бы готовы поддерживать новый порядокъ и не склонялись бы на приглашеніе недовольныхъ, вступающихъ въ борьбу для того, чтобы возвратить многое изъ прежняго строя жизни. Но въ этомъ лагерѣ нашлось бы и много колеблющихся. Они присоединились бы къ новому укладу съ сознаніемъ, что, временно, онъ можетъ быть для нихъ выгоденъ; но изъ нихъ не была бы искоренена увѣренность, что, останься такой порядокъ навсегда, они будутъ лишены возможности достигнуть того, на что позволяютъ имъ надѣяться силы ихъ ума и характера. Въ этой группѣ были бы всѣ тѣ представители простѣйшихъ занятій, всѣ тѣ члены пролетаріата городовъ и деревень, которые способностями, трудолюбіемъ, настойчивостью, смѣтливостью, хотя сколько нибудь, поднимаются надъ среднимъ уровнемъ. Здѣсь была бы также довольно большая масса самостоятельныхъ ремесленниковъ работая съ семьей въ своихъ крошечныхъ мастерскихъ, они успѣваютъ пріобрѣсти нѣкоторый достатокъ. Здѣсь было бы и много

крестьянъ. Сидя на небольшихъ надѣлахъ, такіе крестьяне успѣваютъ довести свои полоски до высокаго плодородія, воздѣлываютъ ихъ, какъ сады и огороды, даже имѣютъ небольшіе денежные запасы на черный день. Всѣ такіе люди разсчитываютъ подняться гораздо выше той среды, въ которую помѣстили ихъ условія рожденія, воспитанія, первоначальной дѣятельности. Каждый изъ нихъ увѣренъ, что лѣтъ черезъ 10—15, его положеніе будетъ безконечно лучше, нежели въ настоящее время, что онъ будетъ смотрѣть на своихъ товарищей по занятію не какъ на равныхъ, а сверху внизъ. Служащій при складѣ товаровъ, въ качествѣ упаковщика, разъ онъ прилеженъ, смѣтливъ, имѣетъ крѣпкіе мускулы, разъ онъ пользуется довѣріемъ хозяина и приказчиковъ, твердо убѣжденъ, что, къ 40 годамъ, онъ самъ будетъ приказчикомъ съ жалованьемъ въ 2—3 тысячи. Выдающійся работникъ на машиностроительномъ заводѣ, рельсо-прокатномъ, на ситце-набивной фабрикѣ нисколько не сомнѣвается, что лѣтъ черезъ 10 онъ поднимется до должности надсмотрщика въ томъ же предпріятіи или другомъ. Его не смущаетъ и то, что большую часть должностей, кромѣ простѣйшихъ видовъ труда, замѣщаютъ людьми, которые получили техническое образованіе. Онъ увѣренъ, что прилежаніе, трезвость, хорошее практическое знаніе дѣла, сообразительность и находчивость сдѣлаютъ его не менѣе пригоднымъ для занятія высшей должности, чѣмъ дѣлаетъ человѣка прохожденіе курса въ техническомъ или коммерческомъ училищѣ. Крестьянинъ, успѣвшій достигнуть достатка при крошечномъ земельномъ надѣлѣ, твердо разсчитываетъ на то, что, сберегая по мелочамъ 10—15 лѣтъ, будетъ имѣть

средства для покупки земли, которая уже поставитъ его хозяйство и благосостояніе на прочныя основы. Если выслушать желанія и надежды всѣхъ этихъ людей въ 1907 году и провѣрить, что сталось съ ними въ 1927, то окажется, что большая часть ожиданій не исполнилась: одни умерли въ томъ скромномъ общественномъ положеніи, съ котораго и началась ихъ самостоятельная дѣятельность, другіе были затерты сильнѣйшими; иные не могли подняться потому, что болѣзни, неурожаи, хозяйственные кризисы, разныя неблагопріятныя случайности выбивали ихъ изъ колеи, ослабляли ихъ силы и пріостанавливали накопленіе средствъ, которыя были нужны для движенія впередъ. Возможно, что изъ 20—30—40, которые въ данную минуту строятъ планы относительно будущаго, только для одного планы осуществятся, приблизительно, въ полномъ объемѣ. Но всѣ эти 30 или 40 относятся къ будущему съ непоколебимой вѣрой; всѣ они готовы напрягать свои силы, дабы осуществить соблазнительныя мечты.

Всѣмъ такимъ людямъ новый порядокъ вещей не могъ бы дать полнаго удовлетворенія. Они рѣшили бы, что первое время онъ для нихъ выгоденъ или, по крайней мѣрѣ, не идетъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами, но что нельзя примирить его съ ихъ требованіями отъ будущаго. Они мечтаютъ подняться на верхнія ступени общественной пирамиды или хотя бы на среднія, а новый строй жизни будетъ удерживать ихъ и черезъ 20—30 лѣтъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ засталъ.

Вся эта группа, временно стоящая на сторонѣ государственной власти, не будетъ для нея надежной союзницей. Стоитъ образоваться хотя бы не-

многочленному, но тѣсно сплоченному ядру оппозиціи, дабы эта группа поставила крестъ на союзъ съ государственною властью и сдѣлалась ея противницей. А такое ядро сложится безъ труда. Всѣ люди высшихъ и среднихъ классовъ будутъ озлоблены. Ихъ негодованіе будетъ вызвано потерею выгоднаго общественнаго положенія, возможности жить согласно со своими вкусами, надежды, что они могутъ измѣнять свою жизнь къ лучшему напряженіемъ своихъ силъ, поставкой обществу услугъ высокаго качества. Всѣ такіе люди подадутъ другъ другу руку. Если бы эта группа была даже гораздо менѣе сильна числомъ, нежели союзники правительства, то на ея сторонѣ будетъ то огромное преимущество, что, именно, здѣсь сойдутся люди, привыкшіе къ организаціонной работѣ. Здѣсь окажутся всѣ тѣ, которые поднялись до средняго достатка или даже богатства своими дарованіями, трудолюбіемъ, изобрѣтательностью. Здѣсь будутъ также всѣ тѣ, которые ото дня рожденія спали на тончайшемъ бѣльѣ съ кружевами, но не разслабили своего ума и воли довольствомъ и роскошью, выпавшими на ихъ долю. Здѣсь будутъ всѣ промышленники, которые вышли изъ скромныхъ общественныхъ слоевъ и образовали предпріятія съ тысячами работниковъ. Сюда примкнутъ сельскіе хозяева, привыкшіе управлять обширными имѣніями и преодолѣвать препятствія, которыя ставятъ хозяйству внѣшняя природа и воля людей. Здѣсь будутъ изобрѣтатели безчисленныхъ усовершенствованій для промышленности, торговли, передвиженія, домашней обстановки. Въ эти ряды станутъ организаторы банковъ, страховыхъ обществъ, пароходныхъ предпріятій, инженеры, по-

строившіе тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ въ такихъ областяхъ, гдѣ строительство было связано съ тяжелыми затрудненіями. Здѣсь окажутся живописцы, ваятели, архитекторы, получившіе первыя награды на національныхъ и всемірныхъ выставкахъ, устроители разныхъ профессіональныхъ союзовъ. Здѣсь будутъ техники, механики, надсмотрщики надъ отдѣлами промышленныхъ предпріятій, приказчики, многіе редакторы и публицисты, прикосновенные къ разнымъ видамъ организаціонной работы. Наконецъ, сюда направятся генералы съ громкимъ именемъ, пріобрѣтеннымъ мужествомъ въ бояхъ, отличной распорядительностью во время мира, неустанной заботливостью о подчиненныхъ. Допустимъ, что въ обширной странѣ, со многомилліоннымъ населеніемъ, такихъ недовольныхъ нашлось бы только сто тысячъ: уже и эта цифра представила бы огромную оппозиціонную силу. Но есть условіе, способное многократно увеличить ее.

Такая сила не могла бы быть страшной для защитниковъ новаго порядка, если бы она не была охвачена энтузіазмомъ. Несомнѣнно, однако, что люди оппозиціи были бы полны одушевленія. Для него нашелся бы богатый возбудительный матеріалъ. Писатели и ораторы оппозиціи вдохновлялись бы картиною того, что до сихъ поръ создано человѣчествомъ. Они ссылались бы на огромныя матеріальныя богатства, накопленныя въ главныхъ культурныхъ странахъ, на чрезвычайные успѣхи во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни, на необыкновенное изощреніе ума въ дѣлѣ технической изобрѣтательности и объясняли бы всѣ эти завоеванія личнымъ интересомъ человѣка, какъ основнымъ движущимъ

началомъ. Они ссылались бы на сокровищницу, хранящую то, что создано наукой, искусствомъ, и приводили бы черты изъ жизни многихъ великихъ умовъ для доказательства той мысли, что богатство и знаменитость рода не мѣшали человѣку въ его духовной работѣ, а матеріальныя награды и другія отличія не ослабляли его творческихъ силъ. Они пользовались бы, какъ примѣрами, жизнью Шекспира, Гете, Вольтера, Гюго, Пушкина, Зола для доказательства того, что научный и художественный даръ можетъ достигнуть самаго пышнаго расцвѣта и тамъ, гдѣ общественная жизнь очень далека отъ начала равенства, внесеннаго новымъ порядкомъ. Писатели и ораторы оппозиціи возвышались бы до торжественныхъ гимновъ въ честь разрушеннаго строя жизни потому, что онъ не препятствовалъ людямъ знатнаго рода и большого богатства проявлять чувства глубокаго дружелюбія, самоотверженно работать въ разныхъ областяхъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ вещественнымъ наградамъ и даже къ признанію. Ссылались бы на Говарда, на Сенъ-Симона, на Оуэна и другихъ. Не мудрено, если картины далекаго прошлаго и только что миновавшей дѣйствительности, вдохновляя защитниковъ стараго порядка, образовали бы изъ членовъ оппозиціи тѣсно сплоченное и жизненное ядро.

Къ нему быстро примкнули бы всѣ тѣ члены большинства, которые не хотѣли бы примириться съ неизмѣнностью жизненной обстановки и надѣялись бы создать лучшія условія для себя и своего потомства.

Эти два лагеря вступили бы между собою въ ожесточенную борьбу. Предположимъ, что въ пер-

вомъ, т. е. на сторонѣ государственной власти, все-таки, оставалось бы значительное большинство. Это нисколько не помѣшало бы побѣдѣ оппозиціи и полному пораженію сторонниковъ новаго порядка. Исторія любого народа и въ любой періодъ его жизни даетъ намъ свидѣтельство того, что побѣждаетъ не число, а организація. Въ политикѣ и хозяйствѣ, во всѣхъ областяхъ частной и общественной жизни большинство повинуется, если ему противостоитъ хотя небольшое, но хорошо сплоченное меньшинство. Завоеватель, при двухъ-трехъ десяткахъ тысячъ сподвижниковъ, покоряетъ страну со многомилліоннымъ населеніемъ и упрочиваетъ свое господство; въ государствѣ, гдѣ издавна привились начатки гражданственности, правительство, состоящее изъ небольшого числа людей, опирается на нѣсколько сотъ тысячъ штыковъ и властвуетъ безпрепятственно; въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ акціонерныхъ обществахъ 3—4 члена могутъ хозяйничать неограниченно, если обладаютъ настойчивостью и держатся строго опредѣленнаго образа дѣйствій.

Государственная власть была бы потрясена и тѣмъ, что новый строй жизни, проведенный въ немного лѣтъ, сократилъ бы производительность труда и уменьшилъ бы народное богатство въ данной странѣ по сравненію съ государствами, гдѣ удержалось бы господство капитализма. Все рабочее населеніе, во всякомъ случаѣ не менѣе 99%, тѣмъ больше напрягаетъ силы, чѣмъ лучше вознаграждается его трудъ. И, вотъ, въ такую то среду вводится начало, рѣзко противоположное привычному міровоззрѣнію. Это начало можетъ быть выгодно для массы, трудъ которой оплачивается особенно

дешево. Но масса, получивъ лучшія матеріальныя условія готовыми, вовсе не была бы склонна работать болѣе напряженно, чѣмъ при старомъ порядкѣ; она давала бы обществу не больше, чѣмъ прежде. Если бы одновременно рабочій день былъ значительно сокращенъ, то, вѣроятно, отъ низшихъ слоевъ пролетаріата не получалось бы даже того, что поступало раньше.

Всѣ же, прямо или косвенно прикосновенные къ завѣдыванію предпріятіями, стали бы получать меньше, чѣмъ ранѣе, и всѣ они, за рѣдкими исключеніями, уменьшили бы напряженность рабочей силы. Представимъ себѣ, что во всѣхъ или хотя бы въ $^3/_4$ хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ слагается экономія народа, даже немного ослабѣли вниманіе и предпріимчивость завѣдующихъ,—и мы поймемъ, что страна, взятая въ цѣломъ, имѣла бы за годъ огромный недочетъ по сравненію съ предъидущими годами. Стало азбучной истиной, что въ нашемъ обществѣ тѣ промышленныя и торговыя заведенія процвѣтаютъ всего больше, гдѣ служащіе получаютъ долю прибыли или, по крайней мѣрѣ, награды, на которыя они могутъ разсчитывать изъ года въ годъ.

Меньшинство, понесшее ущербъ отъ измѣненія общественнаго строя, не могло бы переродиться съ одного удара. Взрослые до конца дней чувствовали бы себя обездоленными и не могли бы замѣнить привычный мотивъ новымъ, альтруистическимъ. Юное рабочее населеніе и дѣти, выростая въ средѣ, гдѣ господствуютъ старыя начала, также не могли бы отдѣлаться отъ нихъ вполнѣ.

Уменьшенная производительность труда сказа-

лась бы и въ области такъ называемыхъ вольныхъ профессій. И здѣсь продолжали бы поставлять обществу трудъ хорошаго качества и не въ меньшемъ количествѣ только немногіе, лишь тѣ, которые относятся къ своему дѣлу съ любовью, и тѣ, въ комъ громко говоритъ сознаніе долга.

Такимъ образомъ, даже при величайшемъ оптимизмѣ, нельзя допустить, чтобы старые мотивы ослабѣли раньше, чѣмъ въ третьемъ поколѣніи, и чтобы раньше, нежели черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, производительность народнаго труда поднялась на ту ступень, гдѣ застало ее введеніе новаго порядка.

IX.

Я выразилъ намѣренно въ самыхъ рѣзкихъ формахъ тѣ перемѣны, которыя мыслимы, но совершиться не могутъ. Я хотѣлъ показать на приведенныхъ примѣрахъ, что, хотя общество измѣняется, быстрые переходы отъ привычнаго строя жизни къ новому невозможны, такъ какъ основныя свойства людей отличаются большой устойчивостью. Тысячелѣтія тому назадъ наибольшая масса фактовъ совершалась подъ вліяніемъ эгоизма; и все то, что окружаетъ насъ, возникаетъ, преимущественно, подъ вліяніемъ того же движущаго начала. Побужденія альтруистическія лежатъ въ основѣ только немногихъ явленій частной и общественной жизни.

Пустая забава—думать и гадать о томъ, каковы будутъ люди черезъ длинный рядъ вѣковъ. Давая волю своему воображенію, пытаясь создать еще одинъ соціальный романъ, можно въ лучшемъ случаѣ набросать рядъ красивыхъ картинъ, высказать

нѣсколько остроумныхъ положеній. Предсказать же, какъ будутъ жить наши потомки въ 50-омъ колѣнѣ, рѣшительно нѣтъ возможности. За это ручается ограниченная прозорливость самыхъ сильныхъ умовъ.

Развѣ не были убѣждены Руссо и его послѣдователи, что стоитъ гражданамъ быть равноправными и гнетъ, тяготѣвшій надъ до-революціонной Европой, навсегда отойдетъ въ область преданій? А, вѣдь, никто не станетъ утверждать, что въ странахъ, гдѣ политическое равенство господствуетъ уже давно, осталась только малая частица гнета, который давилъ людей въ XVIII вѣкѣ.—Развѣ Адамъ Смитъ не впалъ въ глубочайшую ошибку, когда писалъ, что, разъ исчезнутъ путы, которыя въ его время связывали людей при ихъ хозяйственной дѣятельности, и въ экономической жизни воцарится гармонія, способная обезпечить высокое благополучіе даже слабѣйшимъ членамъ общества? Едва ли найдется смѣльчакъ, который будетъ отрицать, что на мѣстѣ старыхъ оковъ явились новыя, что эгоизмъ сильнѣйшихъ и теперь ограничиваетъ свободу въ хозяйствѣ и навязываетъ большинству тѣ условія жизни, которыя выгодны для меньшинства, слабаго числомъ, но сильнаго знаніями, дѣловой опытностью, а главное, властью надъ орудіями производства.—Развѣ не предсказывалъ Наполеонъ, что, черезъ полстолѣтіе по его низверженіи, Европа станетъ республиканскою или казацкой? Прошло почти 100 лѣтъ: тяжкіе удары, нанесенные Россіи, сдѣлали послѣднее невозможнымъ, а первое, которому несомнѣнно принадлежитъ будущее, еще не близко къ осуществленію.—Развѣ Марксъ не былъ убѣжденъ, что еще XIX вѣкъ будетъ свидѣтелемъ соціалистиче-

скаго строя? А между тѣмъ, прошлое столѣтіе завѣщало XX-му не соціализмъ, а исполинскіе союзы капиталистовъ, притязающіе на полноту общественной власти; оно завѣщало усиленную таможенную охрану, которая смѣнила начатки свободной международной торговли, а отъ нея. — такъ думали ея восторженные сторонники.—уже не могло быть поворота назадъ.—Бисмаркъ, этотъ поклонникъ стараго, абсолютистическаго государства, легко, словно играючи, надѣлилъ Германію всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ. Развѣ, дѣйствуя такъ, онъ не былъ одушевленъ непоколебимой вѣрой, что правительство всегда найдетъ въ парламентѣ покорное большинство, а народъ, упоенный полнотой политическихъ правъ, отрѣшится отъ своихъ баварскихъ, саксонскихъ, гессенскихъ привязанностей, и радостно сомкнется у подножія прусско-германскаго престола? Всеобщее же избирательное право въ Германіи облегчило успѣхи соціализма, позволило ему приблизиться къ законодательной работѣ; оно вовсе не мѣшаетъ тому, что въ рейхстагѣ возникаетъ могущественная оппозиція, которая воздвигаетъ преграды для многихъ правительственныхъ начинаній.

Итакъ, чрезъ немного десятковъ лѣтъ послѣ предсказаній, исходившихъ отъ людей сильнаго ума, жизнь потекла по руслу, очень далекому отъ того, что соотвѣтствовало не только ихъ надеждамъ, но, повидимому, и прочно обоснованнымъ разсчетамъ.— Право, не стоитъ терять время на изображеніе того, что будетъ черезъ 1.000—500—300 лѣтъ.

А потому, если кто нибудь станетъ увѣрять меня, что въ 2907 году почти во всѣхъ уголкахъ земного шара эгоизмъ будетъ молчать, между людьми

будутъ господствовать равенство и братство, начало дружелюбія будетъ давать тонъ почти всѣмъ житейскимъ отношеніямъ, что почти каждый будетъ охотно получать изъ общественнаго дохода не больше, чѣмъ получаетъ сосѣдъ, . . . то я возражать не буду. Я только замѣчу, что эти разсужденія и предсказанія вовсе не интересуютъ меня, и поставлю на видъ, что за **1000** лѣтъ у нынѣшнихъ культурныхъ народовъ и тѣхъ, которые впредь будутъ захвачены культурою, способность размноженія очень ослабѣетъ и на главное мѣсто выдвинутся вопросы, несходные съ тѣмъ, что волнуетъ современное общество.

Если же мнѣ станутъ навязывать мысль, что такія перемѣны наступятъ черезъ 3—4 поколѣнія, то я буду энергически возражать. Я скажу: «этого не будетъ, такъ какъ люди въ своихъ основныхъ свойствахъ измѣняются очень медленно». Я добавлю, что нѣтъ надобности въ такомъ коренномъ измѣненіи человѣка, дабы общественный бытъ воспринялъ тѣ основныя начала, которыя мы считаемъ неотъемлемой принадлежностью соціалистическаго строя.

Если собрать сотню людей и спросить ихъ, что они думаютъ о частностяхъ соціалистическаго строя, то окажется, что каждый представляетъ ихъ себѣ по своему. Однако, всѣ согласятся относительно одного основного условія—устраненія частной собственности на орудія производства. Какъ далеко ни расходились бы люди въ оцѣнкѣ деталей, при которыхъ можетъ совершиться пересозданіе общества, всѣ они являются соціалистами, коль скоро вѣрятъ въ возможность упраздненія капитализма и выступаютъ сторонниками права общественной собственности на орудія труда.

Соціализмъ будетъ опираться на завоеванія, доселѣ сдѣланныя человѣчествомъ, и пускать корни въ человѣческую душу, какъ она сложилась за длинный рядъ вѣковъ. Понимая, насколько велика въ современномъ человѣкѣ любовь къ свободѣ, соціализмъ постарается обезпечить ему наибольшій просторъ; гражданину соціалистическаго міра будетъ дозволено все, что, вообще, допустимо безъ ущерба для другихъ членовъ общественной среды. Человѣкъ нашихъ дней хочетъ свободно, не зависимо отъ чьихъ либо велѣній избирать себѣ занятіе, устроивать свою домашнюю обстановку, распредѣлять согласно со своими наклонностями время между трудомъ, отдыхомъ и развлеченіемъ,—и соціалистическое общество будетъ ставить ему въ томъ очень мало преградъ.

Вкусы и наклонности людей относительно матеріальной и духовной жизни представляютъ большое разнообразіе. Чѣмъ больше растетъ знаніе, чѣмъ больше изощряется искусство въ приложеніи знаній къ труду и развлеченіямъ, къ производительнымъ процессамъ, къ личнымъ услугамъ и домашней обстановкѣ, тѣмъ больше будетъ слагаться видовъ занятій, тѣмъ больше будетъ вырабатываться человѣческихъ типовъ. Съ ростомъ разнообразія человѣку будетъ все легче выражать свою индивидуальность. Соціализмъ не будетъ препятствовать этому движенію. Являясь системой общественнаго устройства, которая наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ каждому чувство удовлетворенности, соціализмъ отлично примиряется съ расчлененіемъ общественныхъ группъ, уже нынѣ многочисленныхъ, на дальнѣйшія подгруппы.

Люди вступятъ въ соціалистическій строй съ той совокупностью страстей, съ тѣмъ характеромъ моти-

вовъ, которые господствуютъ въ капиталистическомъ обществѣ. *Нѣтъ, и не можетъ быть силы, способной передѣлать людей за короткое время только потому, что орудія производства будутъ собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всѣхъ.* У членовъ новаго общества также будетъ преобладать любовь къ себѣ и своимъ близкимъ, сознаніе, что, даже при полномъ усердіи въ работѣ, не всѣ равно содѣйствуютъ успѣхамъ общественнаго производства. За этимъ сознаніемъ будетъ слѣдовать и выводъ, что, вслѣдствіе большой разницы между людьми, они имѣютъ право на неравныя доли общественнаго дохода. Возможность получить больше и лучше удовлетворить свои вкусы въ мірѣ потребленія будетъ служить для многихъ побудительнымъ стимуломъ къ напряженію рабочей силы, къ поставленію услугъ въ большемъ количествѣ и лучшаго качества. Какъ теперь, такъ и тогда будетъ прочно держаться сознаніе, что трудъ инженера сложнѣе работы землекопа или плотника, трудъ врача цѣннѣе труда портного, а занятіе живописью или ваяніемъ требуетъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ ремесло пекаря.—Соціалистическое общество будетъ принимать въ разсчетъ всѣ эти различія и выражать ихъ въ неравномъ вознагражденіи людей за трудъ.

Оно не будетъ мѣшать гражданамъ въ накопленіи тѣхъ частей имущества, которыя входятъ въ составъ предметовъ для пользованія или потребленія. Никто не страдаетъ отъ того, что я затрачиваю долю моего дохода на пріобрѣтеніе красивой мебели, картинъ, статуй, верховой лошади. Это причиняетъ моимъ сосѣдямъ отнюдь не больше ущерба, чѣмъ то, какое количество платья и бѣлья лежитъ въ моемъ шкафу,

какія и сколько книгъ стоятъ на моей полкѣ. Именно въ этой сферѣ человѣкъ старается охранить свою свободу отъ всякаго посягательства; именно здѣсь онъ хочетъ выразить всѣ свои вкусы и наклонности. Если человѣкъ не обладаетъ средствами, которыя даетъ немногимъ капиталистическое общество, если онъ не можетъ милліонными тратами и нелѣпыми прихотями поддерживать цѣлыя отрасли труда, ничтожныя по существу, то полное выраженіе личности въ потребленіи не вредитъ согражданамъ. И люди соціалистическаго общества будутъ пользоваться въ этомъ отношеніи не меньшею свободой, чѣмъ пользуемся мы.

Соціалистическій міръ не будетъ препятствовать тому, чтобы небольшіе дома, служащіе жильемъ для одной семьи, находились во владѣніи отдѣльныхъ лицъ и даже передавались ими по наслѣдству. Въ городѣ это невозможно. Настоятельные интересы общественной жизни требуютъ интензивнаго пользованія городскими участками, постройки многоэтажныхъ зданій; эти послѣднія служатъ не жильемъ для отдѣльныхъ семей, а источникомъ нетрудовыхъ доходовъ. Поэтому городская земля со всѣми зданіями перейдетъ въ собственность общества. Такъ будетъ въ городахъ, уже существующихъ, такъ будетъ и въ городахъ, которые возникнутъ.

Внѣ городовъ нѣтъ надобности въ столь интензивномъ пользованіи землею, которая служитъ для выстройки жилыхъ домовъ. Домъ, въ которомъ живетъ одна семья, съ небольшимъ дворомъ и садомъ, является такой же составной частью запасовъ для пользованія, какъ мебель, посуда, картины и другія принадлежности домохозяйства. Общественный строй не перестаетъ быть соціалистическимъ отъ того, что часть гражданъ

будетъ жить не въ огромныхъ домахъ, а въ небольшихъ, и пользоваться не общими столовыми, а своей кухней. Разъ такой складъ жизни будетъ соотвѣтствовать вкусу семьи, а ея доля изъ общественнаго дохода позволитъ удовлетворить этотъ вкусъ, то соціалистическое общество не имѣетъ основанія ставить преграды. Итакъ, небольшіе дома съ маленькими участками земли будутъ предметомъ и частной собственности.

X.

Люди, привыкшіе думать, что каждая мечта можетъ перейдти въ дѣйствительность, лишь бы она была прекрасна и лишь бы у мечтателя было напряженное желаніе осуществить ее, окончатъ чтеніе предъидущихъ страницъ съ чувствомъ полной неудовлетворенности, иные—съ негодованіемъ. Они скажутъ, что вовсе не заслуживаетъ сочувствія общественный порядокъ, который сохранитъ много отличительныхъ чертъ современной жизни.

Но я утверждаю съ непоколебимой увѣренностью, что этотъ строй, будучи вполнѣ соціалистическимъ, доставитъ людямъ много знанія, силы и счастья.

Безчисленныя наблюденія заставляютъ сдѣлать выводъ, что нѣтъ надобности въ частной собственности на орудія производства, дабы трудъ достигъ наибольшей производительности, которая, вообще, достижима въ данной общественной средѣ. Во всѣхъ культурныхъ странахъ находимъ много арендаторовъ, отлично ведущихъ хозяйство на чужой землѣ; повсюду встрѣчаются предпріятія, гдѣ хозяева не занимаются дѣломъ и развѣ только по временамъ

провѣряютъ его, а наемные управляющіе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ полноту власти и достигаютъ превосходныхъ результатовъ. Капиталистическое общество выработало условія, при которыхъ люди, не владѣющіе орудіями на правѣ собственности, могутъ съ успѣхомъ замѣнять хозяевъ. Такими условіями служатъ: хорошее вознагражденіе за трудъ, повышающееся съ возростаніемъ доходовъ предпріятія, и прочное отношеніе держателя къ орудіямъ производства. Управляющій промышленнымъ или торговымъ дѣломъ только въ единичныхъ случаяхъ обнаруживаетъ качества хорошаго хозяина, разъ получаетъ скудное вознагражденіе, которое остается неизмѣннымъ и при увеличеніи прибыли. Арендаторъ, снимающій землю на короткій срокъ, ведетъ дѣло небрежно, во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ велъ бы его хозяинъ. Но директоръ фабрики или склада товаровъ напрягаетъ свои силы, если его трудъ хорошо оплаченъ, тѣмъ болѣе, если ему поступаетъ доля барыша; арендаторъ, пользуясь землею по долгосрочному договору, бережетъ производительныя силы почвы и проявляетъ въ своей сельскохозяйственной дѣятельности то, что принято называть «хозяйскимъ глазомъ».

Оба названныя условія вполнѣ обезпечиваютъ хозяйственной жизни страны тотъ запасъ личныхъ качествъ, которыя нерѣдко ищутъ только среди собственниковъ орудій производства. Вовсе не нужно владѣнія орудіями, дабы человѣкъ пользовался полной свободой именно тамъ, гдѣ стѣсненія особенно тяготятъ его—въ области потребленія благъ. Быть неограниченнымъ господиномъ относительно того, какъ обставить свой домашній очагъ, какъ, когда и

съ кѣмъ расходовать свои средства—вотъ громкіе запросы человѣческой природы; кто работаетъ не своими орудіями производства, тотъ можетъ удовлетворять эти запросы не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ собственникъ орудій. И сознаніе своего превосходства надъ людьми не будетъ подавлено при такомъ порядкѣ, разъ трудъ вознаграждается не одной и той же долей общественнаго дохода, а сообразно съ мѣстомъ, которое человѣкъ занимаетъ въ процессѣ производства, и съ успѣшностью дѣла, насколько она зависитъ отъ прилежанія и способностей работающаго.

Факты, окружающіе насъ, убѣждаютъ также, что частная собственность на орудія не нужна и для обезпеченія странѣ наибольшаго запаса личной предпріимчивости и наибольшей быстроты въ усовершенствованіи процессовъ работы.

Нерѣдко утверждаютъ, что быстрота рѣшенія, столь важная для успѣшности хозяйственныхъ дѣлъ, неразрывно связана съ правомъ собственности на орудія производства. Дѣйствительность опровергаетъ это предположеніе. Въ крупныхъ многоличныхъ предпріятіяхъ директора, иногда почти чуждые дѣлу (ибо владѣютъ только небольшой частью акціонернаго капитала), имѣютъ широкія полномочія. Это позволяетъ имъ быстро принимать рѣшенія, которыя вносятъ существенныя перемѣны въ предпріятіе и обезпечиваютъ ему безостановочные успѣхи. При выборѣ людей даровитыхъ и опытныхъ и оплатѣ ихъ труда такимъ образомъ, чтобы она измѣнялась съ ростомъ оборотовъ, промышленность страны получаетъ отъ наемныхъ и это качество—способность быстро принимать рѣшенія по важнѣйшимъ вопросамъ, которые выдвигаетъ данная отрасль производства.

Наличность отмѣченныхъ условій ручается, что всѣ новинки техники будутъ прилагаемы въ промышленности безъ замедленія. Изобрѣтательность же вовсе не связана съ владѣніемъ орудіями. Самыя крупныя изобрѣтенія являются плодомъ дѣятельности свободно дѣйствующихъ творческихъ силъ, разъ они направлены у человѣка на техническую изобрѣтательность. Какъ Бетховенъ создалъ свои сонаты безъ всякой связи съ матеріальнымъ вознагражденіемъ, какъ Рембрандтъ написалъ свою *Ночную стражу* безъ мысли объ оплатѣ этого труда, такъ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину независимо отъ денежныхъ разсчетовъ. И впредь происхожденіе первоклассныхъ техническихъ изобрѣтеній не можетъ быть инымъ. А усовершенствованіе многочисленныхъ частностей будетъ обезпечено хорошимъ вознагражденіемъ труда изобрѣтателей.

Паденіе права частной собственности на орудія производства приведетъ въ короткое время къ такимъ послѣдствіямъ:

1) Исчезнетъ то возмутительное неравенство въ имущественномъ положеніи, которое повсюду наблюдается въ настоящее время. Люди будутъ получать за трудъ неравныя доли общественнаго дохода, но не будутъ извѣстны случаи, когда бы одинъ гражданинъ былъ богаче другого въ 10.000, 1.000, 100, даже въ 20 разъ.

2) Исчезновеніе огромныхъ доходовъ и невозможность, за отсутствіемъ частнаго капитала, жить безъ труда уничтожатъ классъ праздныхъ рантьеровъ, а также всѣ тѣ уродливости въ потребленіи благъ, которыя удовлетворяютъ только суетныя влеченія и

тщеславіе и—пока господствуетъ современный общественный строй—безтрепетно переносятъ громы экономистовъ, политиковъ и моралистовъ. Параллельно съ этимъ опустѣютъ ряды тѣхъ видовъ труда, которые изготовляютъ продукты для потребностей только богатыхъ празднолюбцевъ.

3) Демократизація государственнаго строя достигнетъ самаго яркаго выраженія. Не будетъ многократныхъ милліонеровъ, не будетъ могущественныхъ синдикатовъ, умѣющихъ теперь опредѣлять цѣли государства и направлять его волю. При господствѣ чистой демократіи, въ хозяйственной жизни быстро осуществятся два начала, которыя наилучшимъ образомъ обезпечиваютъ благополучіе огромнаго большинства людей: сокращеніе рабочаго дня до предѣловъ, сравнительно съ которыми 8-часовая норма будетъ казаться уже высокой, и повышеніе дохода тѣхъ гражданъ, чей трудъ будетъ вознаграждаться наиболѣе скромно. Если теперь, въ странахъ съ высокой платой, работникъ за простѣйшіе виды труда получаетъ, при 9-часовомъ днѣ, a рублей, то въ соціалистическомъ обществѣ за ту же работу, при 6-часовомъ трудѣ, онъ будетъ получать $a+x$. Весьма вѣроятно, что x будетъ значительно больше, чѣмъ a. Послѣдствія такой перемѣны совершенно ясны: семья, даже при самомъ скромномъ доходѣ, будетъ не только сполна удовлетворять потребности въ необходимомъ, но и пользоваться разнообразными жизненными удобствами. Съ тѣмъ вмѣстѣ каждый будетъ располагать бо̀льшимъ досугомъ для пополненія своихъ знаній, для художественныхъ наслажденій, для свободнаго общенія съ людьми и природой и для отдыха у домашняго очага.

XI.

Какимъ же путемъ придутъ люди къ осуществленію началъ соціализма?

Насиліямъ надъ защитниками господствующаго порядка вещей не суждено играть главную роль. Если посредствомъ насилія изъ среды защитниковъ существующаго устранены люди даровитые и смѣлые, а на ихъ смѣну нѣтъ дѣятелей, столь же способныхъ и безстрашныхъ, то сила сопротивленія ослабѣваетъ, отстаиваніе стараго порядка ведется съ меньшимъ искусствомъ и облегчается достиженіе какой либо изъ множества частныхъ цѣлей, къ которымъ стремятся прогрессивные члена общества.

Насилія же надъ людьми съ уничтоженіемъ матеріальнаго богатства составляютъ явленія въ высшей степени прискорбныя; они могутъ имѣть только отрицательное значеніе въ процессѣ замѣны современнаго общества соціалистическимъ. Всѣ цѣнности, кому бы ни принадлежали онѣ, входятъ въ составъ народнаго богатства. Если уничтожено довольно много цѣнностей, участвующихъ въ производствѣ — зданій, орудій, сырыхъ матеріаловъ — то извѣстное число работниковъ ставится въ худшее положеніе: проходитъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ уничтоженный запасъ пополнится и будетъ предъявленъ спросъ на рабочія руки въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ до уничтоженія. Такимъ образомъ, это отражается, по крайней мѣрѣ, кратковременно на судьбахъ пролетаріата въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Уничтоженіе матеріальныхъ цѣнностей оказываетъ и то неблагопріятное вліяніе, что устрашаетъ многихъ, не совсѣмъ убѣжденныхъ людей, готовыхъ стоять за

самыя радикальныя мѣропріятія, разъ они проводятся посредствомъ мирной работы въ законодательныхъ собраніяхъ и мѣстномъ управленіи. Въ каждой странѣ много такихъ людей; сторонники и проводники коренныхъ преобразованій не должны пренебрегать ихъ сотрудничествомъ. Эти люди, миролюбивые по темпераменту и по привычкѣ къ спокойной работѣ, проводятъ рѣзкую раздѣльную черту между насиліемъ только надъ личностью и насиліемъ, послѣ котораго зданія, машины, товары представляютъ груды развалинъ и горы пепла. Въ первыхъ они готовы видѣть акты, совершенные подъ вліяніемъ гнѣва, мести, иногда правильнаго разсчета. Если насиліе устраняетъ лицъ, которыя служили даровитыми дѣятелями реакціи, то люди, мирно настроенные и колеблющіеся, быть можетъ, осуждаютъ самое насиліе, но готовы согласиться, что оно ослабляетъ реакцію, а потому способно принести хотя небольшую пользу. Когда же уничтожается богатство, то они считаютъ насиліе безцѣльнымъ; въ ихъ міровоззрѣніи, не сложившемся, не совсѣмъ повернувшемъ на новый путь, возникаетъ естественная боязнь, что люди, такъ легко склоняющіеся къ безсмысленнымъ дѣйствіямъ, лишены дара созидательной работы. Будущее представляется въ неясныхъ очертаніяхъ; оно пугаетъ, такъ какъ революціонеры одержимы духомъ разрушенія. Настоящее тяжело; оно удручаетъ, но все же сколько нибудь обезпечиваетъ возможность мирнаго труда. А потому, всѣ эти колеблющіеся становятся защитниками стараго порядка.

Главнымъ способомъ борьбы служитъ и будетъ служить дѣятельность прогрессивныхъ людей въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ областномъ, город-

скомъ, общинномъ самоуправленіи. А главными подготовительными мѣрами для побѣды являются устное и печатное слово, охватывающее, по возможности, все населеніе страны, а также всѣ тѣ формы общенія, которыя связываютъ людей безчисленными нитями и пріучаютъ ихъ къ совмѣстной работѣ надъ разнообразными общественными задачами.

Переходъ современнаго строя въ соціалистическій совершится посредствомъ длинной цѣпи законодательно проведенныхъ мѣръ, которыя будутъ расшатывать твердыни капитализма одну за другой. Право частной собственности на орудія производства уступитъ мѣсто собственности всѣхъ послѣ многочисленныхъ актовъ, которые будутъ требовать у богатыхъ все бо́льшей доли ихъ доходовъ для государственной казны, все больше съуживать права собственника въ передачѣ имущества по наслѣдству, все больше ограничивать людей въ пріобрѣтеніи земли и другихъ орудій производства. Этому движенію будутъ сопутствовать всѣ тѣ мѣры, которыя доставляютъ малоимущимъ классамъ большій досугъ, т. е. большую возможность отдыха и самообразованія. Сокращеніе рабочаго дня занимаетъ здѣсь срединное мѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ возростать въ числѣ и разнообразіи хозяйственные, политическіе и образовательные союзы для всего народа, теперь только отчасти захваченнаго этимъ движеніемъ. Наконецъ, стачки и впредь сохранятъ свое значеніе; онѣ будутъ средствами давленія въ тотъ моментъ, когда нужно подкрѣпить новыхъ людей при ихъ дѣятельности въ законодательномъ собраніи, ускорить проведеніе закона, который нуженъ для большинства гражданъ. Я не сомнѣваюсь, что за первую половину XX вѣка на-

ростаніе явленій въ прямомъ направленіи къ соціализму сдѣлаетъ очень большіе успѣхи.

Гдѣ же наступитъ всего ранѣе господство соціалистическаго строя? Несомнѣнно, это совершится тамъ, гдѣ капитализмъ получилъ высокое развитіе и есть наибольшее число людей, сознательно воспріявшихъ ученіе соціализма. Таковы сѣверо-американцы, бельгійцы и германцы. У первыхъ достигли наиболѣе яркаго выраженія всѣ тѣ особенности общественнаго уклада, которыя и являются неотъемлемыми признаками капитализма. Въ Германіи же и Бельгіи, на ряду съ типами, отличающими капиталистическое общество, сохранилось еще много формъ, которыя господствовали въ предшествующіе періоды. Однако, въ этихъ обѣихъ странахъ число сознательныхъ соціалистовъ очень велико и соціалисты сдѣлали большія завоеванія въ политической жизни. Такимъ образомъ, есть основаніе предполагать, что именно въ Соединенныхъ Штатахъ, Германіи и Бельгіи соціалистическій строй сложится всего раньше.

За послѣднее время явились новыя теченія. Стали все чаще говорить о томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ успѣхи производства огромны, быстрота накопленія богатствъ изумительна, но заботы объ увеличеніи жизненныхъ удобствъ слишкомъ сильно захватываютъ все населеніе, поглощаютъ все его время. Стали доказывать цифрами, что соціализмъ имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ очень мало послѣдователей, что милліоны работниковъ радостно идутъ за знаменемъ капитализма. Эти наблюденія заставляютъ многихъ сдѣлать выводъ, что Сѣверная Америка не послужитъ для другихъ народовъ образцомъ въ дѣлѣ созданія новаго общества.

Отъ самаго начала русской революціи среди русскихъ людей стало получать большую популярность мнѣніе, что именно Россія дастъ человѣчеству примѣръ новыхъ и болѣе совершенныхъ формъ жизни. Въ основѣ этого предсказанія лежитъ мысль, что русскіе таятъ въ себѣ особыя, высокія начала, которыя неизвѣстны другимъ народамъ.

Въ этой предпосылкѣ нѣтъ ничего новаго и своеобразнаго. Сѣверо-американецъ ставитъ Соединенные Штаты безконечно выше всѣхъ другихъ странъ; онъ находитъ, что все, созданное на американской землѣ, далеко превосходитъ вещи и дѣла, произведенныя и совершенныя за границей. Англичанинъ относится равнодушно или пренебрежительно ко всему неанглійскому и смотритъ свысока на представителей всѣхъ другихъ народовъ, даже культурныхъ; всѣ они — безконечно ниже англичанъ. Нѣмецъ съ блескомъ въ глазахъ напѣваетъ пѣсню: Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt! Французъ раздѣляетъ мнѣніе того стариннаго короля Франціи, который воскликнулъ: «развѣ есть на свѣтѣ страна, гдѣ мужчины столь храбры и великодушны, а женщины такъ прекрасны и добродѣтельны, какъ во Франціи!» Японцы, особенно послѣ счастливой войны съ Россіей, признаютъ именно себя тѣмъ народомъ, на который Провидѣніе наложило печать избранника. Китайскій кули кормится всю жизнь на чужбинѣ самымъ простымъ и грубымъ трудомъ; этотъ жалкій рабъ, безропотно вынося презрѣніе господина, не разстается съ мечтой, что его прахъ будетъ погребенъ въ Китаѣ, въ землѣ, лучше которой ничего нѣтъ и не было подъ солнцемъ.

Мудрено ли, что русскіе люди, особенно теперь,

когда ихъ окрыляютъ успѣхи, уже достигнутые революціоннымъ движеніемъ, считаютъ нашъ народъ именно тѣмъ, который скажетъ человѣчеству новое слово! Въ основѣ этой надежды лежитъ мечта, породившая ученіе славянофиловъ еще въ первой половинѣ XIX вѣка. Тѣ ожидали, что русскій духъ, благодаря свойствамъ, присущимъ ему одному, создастъ высокій образецъ общественнаго уклада изъ старинныхъ особенностей религіозной и политической жизни Россіи. А здѣсь — мечта, что своеобразныя силы русскаго духа разрушатъ до основанія вѣковыя формы государственной жизни Россіи и, вмѣстѣ съ ними, общественный бытъ, запечатлѣнный капитализмомъ, и осуществятъ соціалистическіе идеалы во всей полнотѣ.

Это невозможно. Освободительное движеніе уже потребовало много жертвъ; онѣ вызываютъ чувство благодарности и умиленія. Если и впредь такихъ жертвъ будетъ принесено очень много, если русская Дума будетъ проникнута демократическимъ духомъ, а правительство не станетъ навязывать ей своей воли — все же соціалистическій строй не можетъ быть для Россіи дѣломъ ближайшаго будущаго. Нѣтъ фундамента, на которомъ можно было бы построить его.

Искреннихъ горячихъ желаній, чтобы общественный укладъ рѣзко измѣнился, безукоризненныхъ логическихъ построеній, пламенныхъ рѣчей, готовности жертвовать своимъ имуществомъ, временемъ, здоровьемъ, самой жизнью для блага согражданъ недостаточно, дабы наступилъ новый періодъ общественнаго быта.

Для этого необходимо, чтобы огромное число русскихъ людей поднялось въ своемъ умственномъ

развитіи, усвоило привычку работать безъ лихорадочныхъ порывовъ, со спокойнымъ напряженіемъ, изо дня въ день; чтобы Россія покрылась многочисленными союзами, гдѣ милліоны изъ городского рабочаго класса и крестьянства привыкали бы къ разнымъ видамъ практической дѣятельности и посредствомъ такого общенія воспитывали бы въ себѣ тѣ навыки, которые будутъ столь нужны для гражданъ соціалистическаго строя.

Для развитія этихъ навыковъ—въ смыслѣ хозяйственнаго, политическаго и обще-культурнаго единенія между людьми — на Западѣ сдѣлано гораздо больше, а потому и есть основаніе предсказать, что въ европейско-американскомъ *) мірѣ соціализмъ раньше, чѣмъ въ Россіи, станетъ наслѣдникомъ капитализма.

Людей, думающихъ такъ же, какъ я, высказанныя мысли не могутъ повергнуть въ уныніе. Россія

*) Наблюдаемая въ американской жизни удовлетворенность рабочихъ массъ капиталистическимъ строемъ вовсе не оправдываетъ вывода, что Соединенные Штаты отстанутъ отъ Европы въ дѣлѣ осуществленія соціализма. Не слѣдуетъ думать, что условія для переворота особенно благопріятны тамъ, гдѣ угнетенность и раздраженіе огромнаго числа людей наиболѣе велики. Для перехода къ новому порядку нужна совокупность такихъ условій: 1) Развитое капиталистическое производство, создающее однородный типъ хозяйственной жизни; оно облегчаетъ замѣну господствующаго типа новымъ. 2) Высокій уровень умственнаго развитія народа и воспитаніе въ немъ разнообразныхъ практическихъ навыковъ. 3) Демократическое государственное устройство. 4) Многочисленность людей, сознательно воспріявшихъ ученіе соціализма. 5) Большое число гражданъ хотя бы умѣренно недовольныхъ капиталистическимъ строемъ.

Соединенные Штаты обладаютъ условіями, которыя перечислены подъ пунктами 1,2,3. Ознакомленіе американцевъ съ соціализмомъ дѣлаетъ все большіе успѣхи, а пятое условіе, вѣроятно,

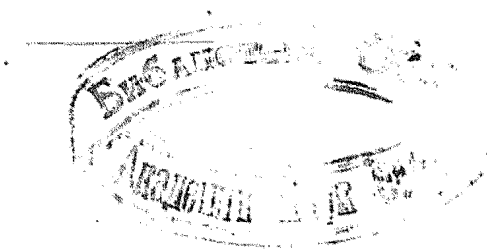
отстаетъ отъ Запада не въ силу превосходства англо-германской расы надъ людьми, населяющими наше обширное отечество, а только потому, что исторія западныхъ народовъ сложилась иначе, чѣмъ наша, потому, что нашимъ предкамъ пришлось жить и дѣйствовать въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Эта цѣль — замѣна капиталистическаго міра соціалистическимъ, хотя позднѣе, будетъ достигнута и на великой восточно-европейской равнинѣ. Каждаго, кто вѣритъ, что будущее принадлежитъ соціализму, эта цѣль приглашаетъ и побуждаетъ къ бодрому, напряженному подготовительному труду.

КОНЕЦЪ.

разовьется въ недалекомъ будущемъ. Разстояніе между богачами и малоимущими будетъ увеличиваться. Съ тѣмъ вмѣстѣ среди американскаго пролетаріата, даже свободнаго отъ озлобленности, которую часто встрѣчаемъ въ рабочемъ классѣ Европы, будетъ крѣпнуть убѣжденіе, что возрастаніе нетрудовыхъ доходовъ и не заслужено и не нужно для процвѣтанія народнаго хозяйства. Будетъ укореняться сознаніе, что вознагражденіе за всѣ виды несложнаго труда въ промышленности, торговлѣ, перевозочныхъ предпріятіяхъ можетъ быть, при соціалистическомъ строѣ, гораздо болѣе высоко, чѣмъ теперь. Стоитъ этому сознанію, даже при умѣренномъ недовольствѣ господствующимъ порядкомъ, охватить крупную часть пролетаріата — и Соединенные Штаты быстро двинутся въ направленіи къ соціализму. Всѣ движенія совершаются въ заатлантической республикѣ съ чрезвычайной быстротой; стольже ускореннымъ тэмпомъ послѣдуютъ одно за другимъ законодательныя мѣропріятія, которыя будутъ разрушать устои капитализма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Возрастающее разнообразіе жизни	3
II.	Ростъ индивидуальности	13
III.	Отличительныя особенности новыхъ людей . .	16
IV.	Самолюбіе, какъ основное движущее начало .	21
V.	Слабость альтруизма	26
VI.	Неравенство, какъ отвѣтъ на запросы самолюбія.	33
VII.	Отрицательное въ разнообразіи современной жизни	38
VIII.	Коренной общественный переворотъ не можетъ быть совершенъ за короткое время . .	45
IX.	Соціализмъ воспримета мотивы, господствующіе въ капиталистическомъ строѣ	59
X.	О выгодахъ, которыя доставитъ человѣчеству осуществленіе соціализма	66
XI.	Объ условіяхъ, при которыхъ осуществится соціализмъ	71

ТРУДЫ А. А. ИСАЕВА.

Промыслы Московской губерніи. 3 выпуска. Ц. 2 р. 50 к.
Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. Ц. 2 р. 50 к.
Артели въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.
Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Ц. 30 к.
О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. Ц. 20 к.
Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ц. 40 к.
Государственный кредитъ. Ц. 1 р. 25 к.
Большіе города и ихъ вліяніе на общественную жизнь. Ц. 40 к.
Составныя части и методы политической экономіи. Ц. 40 к.
Очеркъ теоріи и политики налоговъ. Ц. 1 р. 35 к.
Нужна ли земская статистика? Ц. 30 к.
О техническомъ образованіи, какъ о мѣрѣ содѣйствія кустарнымъ промысламъ. Ц. 20 к.
Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Неурожай и голодъ. Ц. 30 к.
Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Ц. 1 р. 25 к.
О кустарномъ комитетѣ. Ц. 25 к.
Zur Politik des Russischen Finanzministeriums. Ц. 1 р.
Пять вопросовъ обществовѣдѣнія. Ц. 2 р. 50 к.
О соціализмѣ нашихъ дней. Ц. 3 р. 50 к.
Чего ожидать женщинѣ отъ соціализма? Ц. 35 к.
Начала политической экономіи. Изданіе шестое, переработанное. Ц. 3 р. 50 к.
Характеръ русской революціи. Ц. 15 к.
Смута и земельный вопросъ. Ц. 15 к.
Забастовки. Ц. 20 к.

Цѣна 30 копѣекъ.